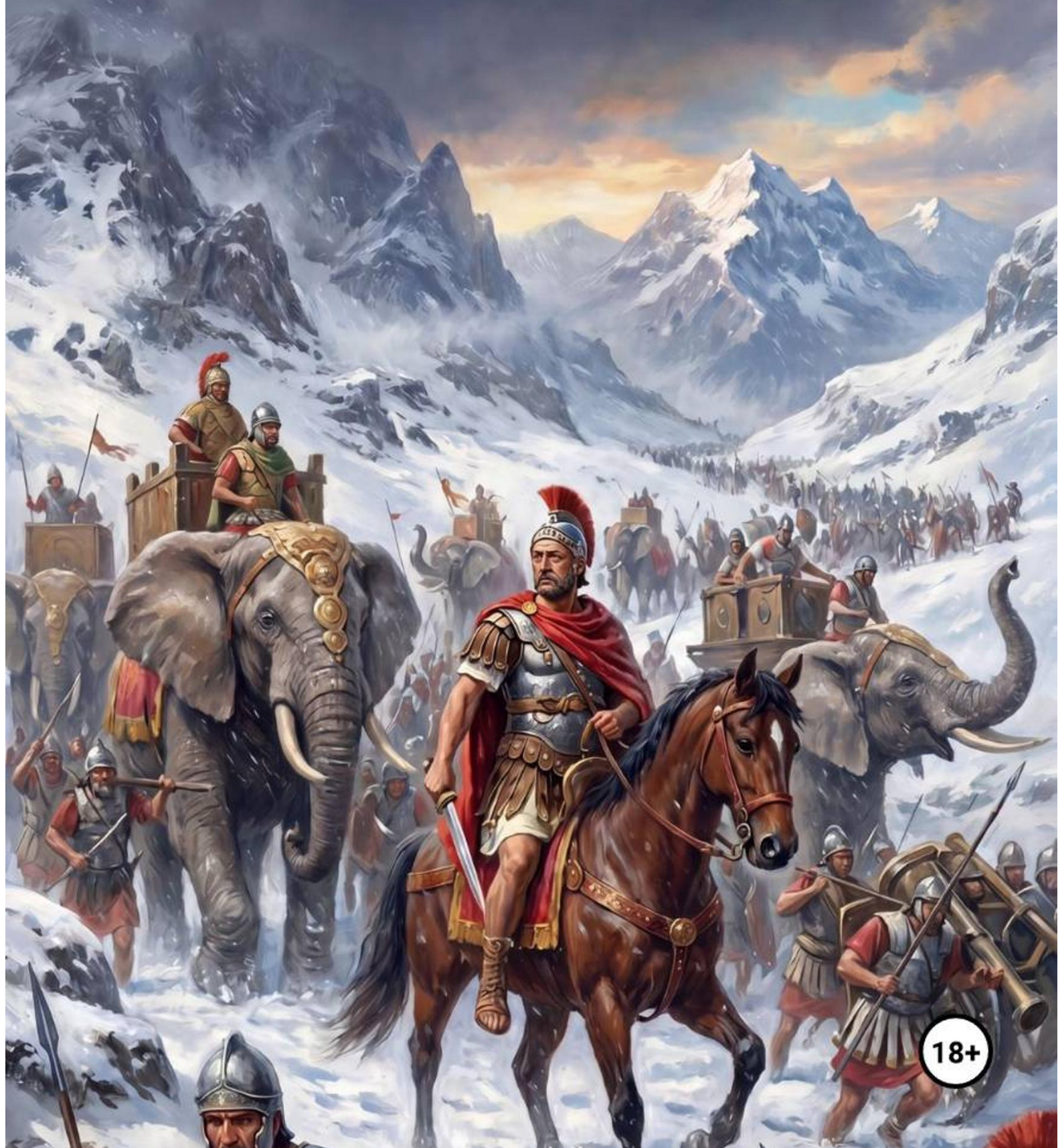

ЛЕГЕНДА КАРФАГЕНА

18+

Виктория Байн
Легенда Карфагена

«Автор»

2026

Байн В.

Легенда Карфагена / В. Байн — «Автор», 2026

Это книга о созидательной и разрушительной силе материнской любви. У великого полководца Гамилькара Барки, потомка царицы Дидоны, было три сына - два от первой жены, и младший - от другой. Одна мать - Селена, воспитала героя, готового бросить вызов богам и судьбе, чтобы защитить свой народ. Другая - Офелия, в плену своих страхов, вырастила слабого духом воина.

© Байн В., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Карточки героев:	6
ПРЕДИСЛОВИЕ	9
ЧАСТЬ I	10
ГЛАВА 1 ГАМИЛЬКАР	10
ГЛАВА 2 СВАДЬБА ГАМИЛЬКАРА	25
ГЛАВА 3. СОЗДАНИЕ НОВОЙ ФЛОТИЛИИ	36
ГЛАВА 5.НОВАЯ ЛЮБОВЬ ГАМИЛЬКАРА	68
Конец ознакомительного фрагмента.	71

Виктория Байн

Легенда Карфагена

ЛЕГЕНДА КАРФАГЕНА

247 год до нашей эры.

В эпоху богов, пророчеств и великих империй рождается человек, чьё имя станет легендой - Ганнибал Барка, сын Карфагена. Он пройдёт через Альпы, бросит вызов Риму и впишет свое имя в историю, как пример воинского героизма и негибавшей силы духа.

Это книга о созидательной и разрушительной силе материнской любви. У великого полководца Гамилькара Барки, потомка царицы Дидоны, было три сына - два от первой жены, и младший - от другой.

Одна мать - Селена, воспитала героя, готового бросить вызов богам и судьбе, чтобы защитить свой народ.

Другая - Офелия, в плену своих страхов, вырастила слабого духом воина.

Две женщины, две судьбы, два пути -

и над всем этим тянется древнее проклятье первой царицы Карфагена - Дидоны.

Карточки героев:

Гамилькар Барка

Главнокомандующий армии Карфагена. Потомок Анны, сестры царицы Дидоны.

Выходец из древнего рода Баркидов, чье начало идёт от самых основателей города.

Гамилькар - полководец, государственный деятель и стратег, впервые в истории создавший армию, состоящую из наёмников. Его имя стало символом воли Карфагена, а его потомки - воплощением силы и судьбы империи.

Гасдрубал Красивый

Ближайший друг и соратник Гамилькара.

С детства рядом с ним - вместе учились, воевали, строили и мечтали о славе Карфагена. Мудрый, верный и доблестный воин, Гасдрубал стал отражением воинской чести. В память о нём Гамилькар назовёт среднего сына Гасдрубалом Баркой.

Афокл Барка

Отец Гамилькара. Учёный, исследователь, новатор.

Гениальный ум своего времени, он посвятил жизнь развитию города - от строительства до инженерных изобретений. Создал первые проекты укреплений Карфагена, участвовал в освоении рудников и металлургии.

Его знания легли в основу будущей мощи империи, а дух - в характер сына.

Хук

Военный советник, учитель рода Баркидов.

Старый грек опытный боец, закаленный в множественных войнах, с одним глазом и скверным характером.

Он воспитал трёх поколений Баркидов, обучая их стратегии, чести и терпению.

Груб, но справедлив, Хук стал живым воплощением воинского закона Карфагена.

Рик

Оруженосец и личный телохранитель Гамилькара.

Верный, немногословный, но безмерно преданный Баркидам.

Следует за ними и в сражениях, и в молитвах, стоя в тени, чтобы в нужный миг стать щитом семьи Барка.

Эмилий Барка

Дядя Гамилькара, младший брат Афокла. Сенатор, наставник и политик.

Один из самых влиятельных людей Карфагена.

После смерти брата взял на себя воспитание Гамилькара, привив ему не только воинскую доблесть, но и государственную мудрость.

Бостор Барка

Средний брат Афохла. Мастер рудников и кузнечных дел.

Руководит добычей металлов и сталелитейным производством.

Марсель Барка

Кузен Гамилькара. Единственный сын сенатора Эмилия Барки.

Умный, рассудительный, склонный к дипломатии. Вырос среди политиков и знал, что слово в сенате может быть острее меча.

Марсель, часто служил связующим звеном между воинственным Гамилькаром и осторожным сенатом.

Наравас

Царь Нумидии, союзник и друг Гамилькара Барки.

Гордый и благородный правитель, воспитанный в духе пустыни и войны.

Дом Магонидов

Селена Магонид

Первая жена Гамилькара. Жрица, дочь Малха Магониды.

Предки Магонидов пришли когда то в Карфаген с Дидоной и вместе начинали строить Карфаген.

Селена - мать Ганнибала и Гасдрубала, она воплощение силы веры и материнской мудрости. Её молитвы были обращены к богам, но её любовь к мужу и сыновьям была не менее священна. Она - хранительница духовного пламени рода Баркидов.

Малх Магонид

Отец Селены, сенатор и глава богатейшей династии Карфагена.

Человек огромного влияния и политического веса.

Агапий Магонид

Брат-близнец Селены. Жрец и целитель, советник храмов.

Человек знания и доброты,

он посвятил жизнь исцелению людей и духовной гармонии.

Во время войн помогал не только солдатам, но и пленным,

веря, что истинная сила Карфагена в милосердии.

Айша

Старая служанка и верная спутница Селены.

Она знает и хранит все тайны рода Баркидов,

Ганнибал Барка

Старший сын Гамилькара. Легендарный полководец, бесстрашный полководец, который вошел в историю, как первый в мире, кто смог перевести свою армию через Альпы и напасть на Рим с тыла, где его не ждали.

Гений войны, воплощение мужества и гордости Карфагена.

Гасдрубал Барка

Средний сын Гамилькара, названный в честь друга - Гасдрубала Красивого.

Добродушный, отзывчивый, весёлый,

но не менее талантливый в инженерии и осадном деле.

Гасдрубал - свет рода, братская поддержка Ганнибала и совесть семьи.

Магон Барка

Младший сын Гамилькара от второй жены, Офелии.

Хрупкий в детстве, воспитанный в страхе и излишней материнской заботе.

Офелия

Вторая жена Гамилькара, мать Магона.

Женщина, чья любовь стала проклятием.

Страх за сына превратил её нежность в безумие, а заботу - в разрушение.

Сунайт

Тайный враг Баркидов, сенатор и Римский шпион.

Человек из тени, мастер интриг и двуличных сделок.

ПРЕДИСЛОВИЕ

После гибели Трои, когда дым ещё поднимался над развалинами древнего города, Эней, сын богини Афродиты и земного мужчины - Анхиса, покинул свой разрушенный город и отправился в поисках новых земель для своего народа. Он вёл за собой людей, объединяя города и страны. Их путь был трудным и долгим, но Эней не свернул. Он нёс в себе пламя Трои, чтобы однажды принести этот огонь в новые земли и построить для своего народа прекрасный город.

Когда странствия подошли к концу, он лёг под огромное ветвистое дерево. Впервые за долгие годы почувствовал покой и тихо сказал: «Здесь мой народ останется жить».

Говорят, его тело вознеслось в небеса, не оставив земной оболочки, как подобает истинным сыновьям богов.

Его сын Юл искал отца, но не нашел его нигде. С тех пор люди не раз говорили, что видели Энея высоко парящим над облаками, в сиянии солнца и звёзд. Он являлся им как образ надежды и защиты.

Народ воздвигал ему храмы, камнерезы высекали его лик из мрамора. Имя Энея стало символом возрождения. Он вывел их из пепла Трои и стал их небесным покровителем.

Юл продолжил путь отца, часть своих людей он повёл дальше, в поисках новых земель. А спустя годы, внуки Энея - Рем и Ромул основали новый город - Рим. Этот город станет сердцем завоеваний и жажды власти. Так родилась новая империя - суровая, сильная, уверенная в своём предназначении. Патриции, считавшие себя потомками троянцев, присвоили себе право властвовать над всеми, кто пришёл в их земли позже. Они называли себя детьми Олимпа, а остальных - плебеями, пылью под ногами.

Рим рос и креп. Его власть расплзалась по морям, как тень огромной птицы. Ему хотелось всего: земель, золота, чужих городов и людских сердец.

И однажды, насытившись победами, он повернул свой тяжёлый взгляд к Карфагену.

К древнему городу, построенному царицей Дидоной, той самой женщиной, которую когда-то покинул Эней.

Сицилия, жемчужина Средиземноморья, уже находилась под властью Рима. Карфаген, некогда владыка морей, постепенно сдавал свои позиции.

И словно дракон, рождённый из духа Энея, Рим расправлял крылья, приближаясь к берегам Африки. Туда, где ещё хранился пепел древнего проклятья Дидоны, брошенной вслед Энею: «Я проклинаю тебя и всех твоих потомков! Пусть война длится вечно, во все времена, пусть твой народ не знает покоя!».

ЧАСТЬ I

ГЛАВА 1 ГАМИЛЬКАР

275 год до нашей эры.

Карфаген - сильная и богатая держава.

Гамилькар вышел на террасу башни, стоявшей на северной границе империи, и долго смотрел вдаль. На горизонте тянулась бескрайняя обожжённая солнцем, сухая, неплодородная земля. Она казалась почти мёртвой. Земледельцы давно оставили эти места. Как ни старались трудолюбивые карфагеняне возделывать почву, она упрямо не поддавалась человеку. Здесь не росло ничего, ни деревьев, ни кустов и даже колючек. Земля была усыпана крупными и мелкими, тёмными, такими твёрдыми, камнями, будто их когда-то закалили в огне.

Гамилькар щурился, всматриваясь в эту странную равнину.

«Почему так? Неужели эту землю и правда кто-то проклял?» - подумал он.

Сам он никогда не верил в подобные вещи. Я верю только в силу оружия: в этот меч, в свой щит и копьё. Только они могут защитить человека, накормить его и согреть, - так говорил он сам себе. Но в детстве он не раз слышал старую историю о страшном проклятии своей дальней родственницы - царицы Дидоны, основательницы Карфагена. Гамилькар гордился своим родом. Его отец, Афокл Барка, происходил от Анны - сестры царицы. После трагической гибели Дидоны Анна вышла замуж за талантливого инженера и строителя, одного из первых создателей города. Самуил Барка всегда был рядом с ней после той страшной ночи, когда царица, обезумев от горя, взошла на жертвенный костёр посреди городской площади во время праздника. Эту историю вскоре постарались забыть. В Карфагене о ней предпочитали никогда не говорить. Храм Зевса, в ту роковую ночь сгорел дотла, его восстановили только спустя столетия. От прежнего святилища тогда уцелела только гигантская статуя верховного бога, почерневшая от дыма, с тёмными пустыми глазницами. Она возвышалась над городом и долго пугала людей своим мрачным видом. Семья Баркидов всё-таки решили ее восстановить. Для этого привезли лучших зодчих со всего Средиземноморья, потому что местные мастера, помня жуткую смерть Дидоны, боялись даже приблизиться к статуе. Люди шептали, что Зевс всё ещё гневается на Карфаген. Но боги действительно, на долгое время отвернулись от города. Засухи сменялись ненастьем, приходили голод и болезни. Многие были уверены: Зевс обрушил на город свою небесную кару за преступление их царицы.

Но годы шли. Постепенно боги, будто устав от гнева, смиростивились над людьми. Климат стал мягче, поля вновь стали давать богатые урожаи. Наконец, ожила торговля. Порт, построенный ещё при жизни Дидоны, снова наполнился кораблями. Со всего света приплывали груженные товаром торговые суда, и богатство вновь потекло в город.

Карфаген ожил. В домах снова звучала музыка, на рынках шумели торговцы, улицы наполнились смехом и запахами пряностей. О царице Дидоне и её проклятии люди предпочли забыть, как забывают страшный сон, который лучше никогда больше не вспоминать.

Гамилькар обожал Карфаген. Он родился в роскошном дворце, но детство и юность провёл вовсе не в праздности. Почти всё время он находился в военной школе, где учился у лучших наставников Карфагена и всего Средиземноморья. Его обучали владеть оружием, держать строй и военной стратегии. От своей великой прародительницы, царицы Дидоны, он, как говорили в семье, унаследовал странный дар. Иногда он видел образы будущего так ясно, будто события уже происходили. Картины вспыхивали перед глазами, и спустя время многое из этого действительно сбывалось.

«Скоро моя мечта станет реальностью», - подумал Гамилькар, глядя вдаль, в линию моря.

С детства он представлял один и тот же образ. Огромный карфагенский порт, залитый солнцем, быстрая военная флотилия выходит из гавани и уносится в открытое море, навстречу пиратам и врагам, чтобы разбить их. В своих мыслях он видел всё до мелочей: корабли, их вооружение, лица людей на палубах. Чувствовал, как ветер бьёт в лицо, как солёные брызги моря ложатся на одежду.

По ночам, лёжа на жёсткой казарменной кровати, он представлял себя капитаном собственного корабля, а за ним ровным строем идут сотни военных судов.

«Мой Карфаген... я всегда буду защищать тебя. И всякий, кто посмеет посягнуть на этот город, будет иметь дело со мной. Я очищу тебя от воров, мошенников, разбойников и работорговцев». - Эти слова он повторял как клятву перед сном.

Гамилькар обладал редкой интуицией. По запаху утреннего воздуха он мог понять настроение толпы, которая стекалась к храмам, чтобы совершить обряд поклонения богам Олимпа. По цвету морских волн он безошибочно угадывал, когда появится военный флот, а когда в порт войдут торговые суда. С каждым годом его чутьё становилось всё острее. Друзья иногда подшучивали над ним.

Ты становишься настоящим оракулом. Скоро к тебе будет прибегать весь карфагенский сенат со своими вопросами.

Ты же знаешь, Гасдрубал, - усмехнулся Гамилькар. - Я не политик, я воин. Мне не интересны дела сената и их бесконечные интриги. По правде говоря, я бы каждому сенатору выдал по деревянному мечу и отправил пешком на передовую. Вот тогда и стало бы ясно, кто из них чего стоит. Орать с трибуны сената, как торговка на рынке, может любой. А вот проявить смелость в бою - это уже дело настоящего мужчины.

Тогда почему ты всё же помогаешь сенаторам, когда они к тебе обращаются?

Гамилькар на мгновение замолчал.

Потому что этот город - мой. Карфаген - это моё тело и моя душа. Я чувствую его. Я слышу его. Иногда мне кажется, что Карфаген - это и есть я.

Он провёл рукой по каменному парапету башни.

Мои кости и жилы - это его улицы, дома и крепости. Моя кровь - всё Средиземное море. А моё сердце - эта земля, на которой стоит Карфаген.

Та самая полоска земли, когда-то накрытая бычьей шкурой и купленная первой и единственной царицей города Дидоной. После её смерти ни одной женщине больше не позволяли править Карфагеном. Городом управлял сенат, собрание самых влиятельных и богатых семей, старых кланов, чья власть держалась на золоте, и древних союзах.

В далеком прошлом Карфагена, Анна - сестра первой царицы Дидоны, пережив ее трагическую смерть, вскоре вышла замуж за Самуила Барку - главного инженера и застройщика города, спроектировавшего первые многоэтажные дома с водопроводом и канализацией, воздвигнувшего монументальные храмы и дворцы по всему Карфагену. Его произведениям в области инженерии и строительства в то время не было равных во всём мире. Семья Баркидов переехала в самый большой и великолепный дворец Карфагена, построенный на месте старого, в котором когда-то жила Дидона. И, по всей вероятности, дух первой карфагенской царицы, витавший над тем местом, где стоял её дворец, вселился в Гамилькара в момент его рождения. Он был старшим и единственным сыном в семье и имел четырёх младших сестёр, которых почти не видел, потому что с ранних лет рос в военной школе Карфагена, где жили и обучались мальчики всех карфагенских семей. Гамилькар с самого детства проявлял себя как умный, рассудительный лидер. Все знали его отца, и учителей не удивлял его логический склад ума и сообразительность.

Обучение военному искусству было делом нелёгким, и зачастую даже мальчикам, наделённым от природы физической силой, было трудно справляться. Гамилькару же всё давалось

легко - и физические упражнения, словно он родился уже с мечом в руке, и науки - философия, астрономия, искусство и многое другое.

Спал Гамилькар всего по несколько часов в сутки, только для того, чтобы успеть больше. Он знал наизусть всех философов своего времени, их стихи и поэмы. Арифметика тоже давалась ему легко, он умел в уме складывать и считать большие числа.

Внешность Гамилькара была необычной. Он был невысокого роста, но очень широк в плечах. При ходьбе слегка расставлял ноги, будто земля под ним покачивалась. Его походка была походкой моряка. С юности Гамилькар полюбил море. Он часто выходил с моряками в плавания и в военные морские походы. Его всегда тянуло к другим землям и народам. Он с интересом рассматривал чужестранцев, внимательно слушал их речь и, даже не понимая языка, всё равно чутко улавливал, о чём они говорят. Вникал в детали, изучал их быт и обычаи, старался подружиться с ними.

К двадцати годам у Гамилькара было множество друзей и союзников по всему Средиземноморью.

Как ты можешь общаться с ними, не зная их языка? Это невероятно! И главное, они ведь понимают тебя по одному взгляду. У тебя какой-то невероятный дар - влюблять в себя людей. Посмотри, как они на тебя смотрят, как на божество, - говорил Гамилькару его ближайший друг, с которым они росли вместе с самого раннего детства.

Гасдрубал, нет, это не дар, - улыбался Гамилькар. - Мне действительно интересны люди других народов. Я проявляю к их культуре внимание, и они это ценят. Пойдём скорее в шатёр: нумидийский царь пригласил меня отведать с ним какое-то диковинное блюдо. Мне очень понравилась их кухня, и я не постеснялся открыто похвалить какое то блюдо, приготовленное с особым соусом. Теперь я всегда желанный гость у нумидийцев. Их правитель, тонкий гурман, и к моему приезду он приказывает накрывать в своём шатре великолепные столы.

И всё же, невероятно! Как у тебя получается так легко общаться с этим нумидийским хитрюгой? В твоём присутствии он буквально меняется на глазах! Превращается в радушного хозяина, смотрит на тебя и радуется, как ребёнок, когда ты вкушаешь его яства, как будто он сам лично их приготовил, - с обидой или, может быть, с лёгкой ревностью в голосе ворчал про себя Гасдрубал Красивый, как всегда послушно следуя огромной тению за своим невысоким другом Гамилькаром.

Гасдрубал был высоким, статным и очень красивым юношей, за что его и прозвали Гасдрубал Красивый. Он был сыном влиятельного члена карфагенского сената. Его, как и Гамилькара, с шести лет отдали в военную школу. По высокому происхождению им полагалось жить на верхних этажах школы. Убранство военного заведения было в целом скромным, только самое необходимое, но всё же, комнаты аристократических мальчиков отличались от помещений, где жили дети из более низких сословий.

Ученики нижних этажей спали на соломенных матрасах и питались финиками, водой и чёрным хлебом. Мальчики с верхних этажей имели свои опочивальни и даже собственных оруженосцев. Еда у них была более разнообразной. Гасдрубал Красивый всегда подмечал за своим другом одно качество: Гамилькар умел дружить со всеми. Его уважали и на нижних этажах, и на верхних. Даже учителя обращались с ним с некоторой долей почтения. Самый злобный и несправедливый преподаватель метания копья - одноглазый Хук, и тот замолкал, прищурив свой единственный орлиный глаз, когда Гамилькар входил в зал. Хук подмечал все недочёты своих учеников и больно бил их деревянным концом копья, если цели не были достигнуты. Ему, кажется, доставляло удовольствие избивать ребят. При этом он всегда злобно приговаривал:

Больно вам? Больно?! - повторял он одно и то же, а если слышал утвердительный ответ, громко хохотал и ещё сильнее лупил деревяшкой по худым детским плечам. - В бою, когда вас будут убивать, эта боль покажется вам укусом комара!

Гамилькар ни разу не был избит злобным Хуком, в метании копья ему не было равных. С любого расстояния, лёжа, сидя, верхом на коне - он легко поражал цель.

Одноглазый учитель гордился им и часто ставил его в пример ленивым ученикам. На что Гамилькар неизменно заступался за слабых: он организовал шефство над теми, кто плохо учился, и в свободное время проводил с ними дополнительные занятия по метанию копья. Порой казалось, что в школе всё подчиняется не Военному Совету, а Гамилькару Барке. Дисциплина, порядок и взаимное уважение царили в этом учебном заведении. Когда пришло время окончания учёбы, глава школьного Совета обратился с ходатайством в карфагенский сенат: во главе национальной армии, по его мнению, должен стать Гамилькар.

Следовало учесть его высокое происхождение, блестящие знания по всем предметам, силу, ловкость в военном искусстве и стратегический ум, который, казалось, передался ему от отца и легендарного предка - Самуила Барки.

Члены правления города быстро приняли закон: Гамилькар назначается военачальником карфагенской армии на четыре года, и если не появится более достойная кандидатура, его полномочия будут продолжаться и дальше.

В свои двадцать лет Гамилькар получил под командование всю армию, которая состояла из трёхсот кораблей военного флота, нескольких сотен боевых колесниц и многотысячных отрядов пехоты.

Мужчин старше пятидесяти он отправил по домам, подписав указ: в случае войны их быстро мобилизуют и вновь призвуют на службу.

Военную школу Гамилькар перенёс в другой край города, организовав там гарнизон, где старшие воины обучали младших.

Постаревшему Хуку было строгойше запрещено избивать учащихся. Теперь он просто расхаживал по гарнизону, злобно шипя на всех вокруг.

Хук любил приходить к Гамилькару и сыпать советами. Многие из них были действительно дельными: Хук был старым греческим воином, прошедшим в молодости множество войн.

Он рассказывал Гамилькару, как греки завоёвывали города и расширяли свои границы, какие стратегические ошибки допускали полководцы и как этих ошибок можно избежать. Казалось, что Хук был живым кладом военных хитростей и приёмов. В его седой голове жил настоящий военный гений, но скверный, злобный, отталкивающий характер мешал ему в общении. Поэтому Хук так и не сделал собственной большой военной карьеры в прошлом, но в настоящем стал для Гамилькара самым ценным советником. Старый вояка был чрезвычайно горд тем, что всё же, несмотря на возраст и дурной нрав, достиг своей цели: оказался рядом с генералом, военачальником карфагенской армии - своим бывшим учеником. Многие были вынуждены считаться с его мнением, но главное - к нему внимательно прислушивался сам Гамилькар.

Иногда, в редкие часы тишины, когда над Карфагеном поднимался запах моря и горячего камня, Гамилькар ловил себя на мысли, что и этот ворчливый старик, шумная военная школа, и тяжёлый блеск оружия, всё это части того самого живого организма, которую он называл одним словом: Карфаген .

Город жил собственной, шумной и насыщенной жизнью. Множество торговых судов из разных стран ежедневно входили в прекрасный порт Карфагена, чтобы торговать, обмениваться товарами, заключать сделки.

Ничто, казалось, не предвещало беды.

Но чуткий нос Гамилькара уловил опасность. Его длинный, с лёгкой горбинкой нос вдруг стал ледяным, будто обмерз изнутри. А это означало только одно: Небеса предупреждали его, что может случиться нечто опасное.

Ты доверяешь своему длинному носу больше, чем своим мозгам? - смеялся над ним Гасдрубал.

Сегодня он был особенно хорош в своей ярко-красной тунике из дорогой заморской ткани. Невольно залюбовавшись другом, Гамилькар сказал:

Да, неспроста тебя называют Красивым. Ты и вправду хорош собой.

Твои комплименты мне приятны, мой друг, но придержи их для женщин, - фыркнул Гасдрубал. - И так на нас смотрят и думают: что их держит вместе? Любовь? А я, между прочим, и правда тебя люблю. Я могу отдать за тебя жизнь! - с пафосом произнёс он, и его длинные, изогнутые кверху ресницы дрогнули, а красивые синие глаза наполнились слезами.

В порыве чувства Гасдрубал подбежал и обнял Гамилькара. И именно в этот момент в шатёр вошёл Хук с двумя молодыми воинами и застал их обнимающимися.

Мой генерал!.. - громко произнёс Хук, откашлявшись.

Гамилькар и Гасдрубал от неожиданности отпрянули друг от друга. В воздухе повисло неловкое, тяжёлое молчание.

Что тебе нужно? - быстро взяв себя в руки, спросил Гамилькар.

Мой генерал, из порта пришло известие: какое-то неизвестное судно уже три дня стоит у причала и ничем не торгует. А люди, прибывшие на нём, бродят по городу и предлагают купцам «живой» товар. Какой именно - не говорят. Предлагают только пройти к своему кораблю и посмотреть. Нам сразу сообщили об этом, и я принёс вам донесение, мой генерал, - прищурился единственный глаз, сказал Хук.

Я сейчас же разберусь с этим, только прикажи, — горячо отозвался Гасдрубал.

Да, разберись немедленно. Все свободны.

Мой генерал, у меня ещё к вам дело. Могу я остаться? - прокричал старый грек.

Да, конечно, Хук. Мне нравится твоя шпионская сеть. Твои люди должны знать обо всём, что творится в городе. Карфаген процветает, и у нас множество завистников.

Вот об этом я и хотел поговорить с вами, мой генерал. В сенате ходят нехорошие слухи о вас, - Хук понизил голос.

Мне неинтересно, что болтают эти трусливые и жадные сплетники! - резко отрезал Гамилькар.

Послушайте, мой генерал, - упрямо продолжил Хук. - Я вам никогда зла не желал. Вам нужно жениться, и тогда вы пресечёте все разговоры о вас и Гасдрубале.

Что?.. - глаза Гамилькара вспыхнули. - Как моя дружба с Гасдрубалом вообще может стать объектом для сплетен? То, что мы сейчас обнимались, ничего не значит. И не думай, что я оправдываюсь. Ты не представляешь, сколько раз мы обнимались с ним, поддерживая друг друга. Он для меня - всё. Он - моя семья! Этот вонючий сенат... старые, зажавшиеся ублюдки! Я буду защищать Карфаген от воров, убийц, насильников и любого, кто посмеет посягнуть на мой город и его жителей! Никто больше не нападёт на горожан так, как напали когда-то на мою семью! Их защитил сенат?! - закричал он, сжимая кулаки. - Убирайся вон, Хук!!!

Хук быстро ретировался.

Гамилькар шумно втянул воздух носом, пытаясь успокоиться, потряс головой.

Старые сплетники, погрязшие в пороках...

Они хотят свои пороки навязать другим. Лентяи и бездари... - гневные мысли никак не хотели покидать его.

Он вышел во двор гарнизона, чтобы поупражняться с мечом. Это всегда успокаивало его, возвращало внутреннее равновесие. Он взял деревянный меч и вызвал одного из юношей на учебный бой. Тот, осознав, что с ним будет упражняться сам генерал карфагенской армии, сперва долго стоял с открытым от изумления ртом, вытаращив глаза, но потом, придя в себя,

ловко стал парировать удары. Через пару минут учебного поединка юноша уже лежал в пыли, поверженный, но счастливый.

Ты молодец, хорошо дерёшься мечом. Как твоё имя? - спросил Гамилькар.

Рик, - поднявшись и отряхиваясь, ответил молодой воин, всё ещё не веря, что только что сражался с самим Гамилькаром.

Рик, я назначаю тебя своим телохранителем, - спокойно сказал военачальник. - Будешь стоять на страже моего шатра. Входить туда без разрешения будешь только ты. Докладывай мне о всех прибывших и приноси донесения.

И ещё... - Гамилькар посмотрел юноше прямо в глаза. - Я сам лично буду обучать тебя военному искусству.

Рик молча кивнул. Где-то глубоко в груди у него дрогнуло чувство, похожее на страх и восторг одновременно. Ветер, ворвавшийся во двор гарнизона, принёс с собой запах моря и металла - как будто сами боги тихо отметили этот выбор.

Неприятное предчувствие не проходило. И это было не из-за сплетников из сената - подобные разговоры Гамилькар слышал и раньше.

Юноши в военных школах часто привязывались друг к другу, иногда даже слишком крепко; годы, проведённые без женщин, делали их эмоционально зависимыми друг от друга. Изредка кто-то решался на побег, вылезал на верёвках из связанных простыней ночью, чтобы добраться до женщин в публичные дома. Но если беглецов ловили за пределами школы, их жестоко наказывали. Мало кто рисковал ночными вылазками. Поэтому мужские связи среди военных не были чем-то необычным. После выпуска из школы все становились профессиональными бойцами карфагенской армии, а семейная жизнь для большинства оставалась несбыточной мечтой: время уходило на службу, походы и тренировки.

Любовь Гамилькара и Гасдрубала была братской. Потеряв семью, Гамилькар поклялся защищать своих горожан и направил все силы на то, чтобы стать сильнее, мудрее, достойнее, чтобы однажды возглавить карфагенскую армию. Гасдрубал всегда был рядом, поддерживал, защищал, разделял с ним его боль потери родителей и в бою был настоящей опорой и защитой.

Получив должность военачальника, Гамилькар быстро начал воплощать свои планы по укреплению обороны Карфагена - как от внешних врагов, так и от внутренних.

Его гибкий ум и проницательность позволяли видеть людей насквозь. Интуиция, граничащая с ясновидением, была настолько сильна, что даже влиятельные члены сената приходили к нему за советом. В обмен на свои бесценные рекомендации он проводил через них новые законы в военном деле.

Ему выделили значительную часть городского золота на расширение флота, на строительство новых кораблей, которые он сам лично проектировал.

По вечерам он подолгу смотрел в звёздное небо и мысленно обращался к своему предку - Самуилу Барке, гениальному инженеру, строителю города, ближайшему помощнику и советнику царицы Дидоны. Гамилькар просил у него знаний, поддержки, удачи. Он грезил о новых военных кораблях - быстрых, лёгких, маневренных. Стоило ему закрыть глаза - и он уже видел свой будущий флот. Эти суда должны были стать лучшими во всём мире. Носы кораблей, усиленные острыми железными наконечниками, предназначались для тарана. Новая флотилия Гамилькара должна была стремительно появляться на горизонте, быстро сближаться с врагом и, разгоняясь, прорезать стальным клином корпус вражеского судна. Затем так же стремительно уходить на безопасное расстояние, наблюдая, как противник низвергается в морскую пучину. Он уже слышал в мечтах этот звук - треск дерева, рев волн, шипение пены. Свою будущую флотилию Гамилькар назвал «Молния» - в честь своей фамилии. Барка на финикийском означало именно это: удар, вспышка, стремительный небесный огонь. И казалось, сама ночь слушала его замыслы, а звёзды над Карфагеном одобрительно мигали, словно древние духи предков подтверждали его путь.

Утром Гамилькар рассматривал новые чертежи - те самые, что рисовал по ночам с закрытыми глазами, словно чья-то невидимая рука вела его пальцы. Каждая линия будто приходила к нему из сна, как послание предков.

Когда началась грандиозная постройка новых кораблей, значительная часть карфагенского сената подняла панику: казна, мол, утекает на бредовые фантазии молодого военачальника. Но Гамилькар был неумолим. На заседании сената он с гордостью представил макеты будущих кораблей и подробно изложил своё видение новой флотилии.

Но ведь у нас нет врагов! - возмущались некоторые сенаторы. - Зачем нам такие излишества? Нужно развивать торговлю, строить торговые суда. Что на этих ваших боевых кораблях вообще можно перевезти?

Карфаген невероятно богат и красив, - отвечал Гамилькар. - Вы даже не представляете, сколько у нас завистников и тайных врагов.

Сенаторы знали о его невероятной интуиции и, ворча, всё же соглашались. Но были и те, кто завидовал Баркидам - особенно таланту Гамилькара убеждать.

Сунайт, давний недоброжелатель покойного Афокла Барки, часто спорил с сенатом и давно мечтал ввести в Карфагене работорговлю. Он убеждал всех, что бесплатный труд рабов в полях и рудниках увеличит казну города.

Особенно яростными противниками этой идеи были Баркиды, и большинство членов правления обычно поддерживали именно их.

Афокл Барка, отец Гамилькара, обладал мощным голосом, редким умом и поразительной способностью влиять на людей. С трёх лет он свободно читал на финикийском, греческом и арамейском. Юность провёл в библиотеках, погружаясь в историю, культуру, искусство. В пятнадцать лет всерьёз увлёкся астрономией и сделал несколько открытий. Афокл не был религиозным человеком: не посещал храмов, не ставил статуй богам Олимпа.

Я человек науки, - говорил он. - Изучаю мир и вселенную в деталях. Если боги любят меня и покровительствуют моей семье, возможно, это потому, что я слуга своего народа. А глас народа - это глас Божий.

Его реформы изменили Карфаген.

И именно он добился запрета работорговли.

Карфаген очень богат, - говорил он сенату. - Каждый наш житель способен платить вольнонаёмным людям за их труд. К нам отовсюду стекаются люди в поисках работы. Мы не эксплуататоры - мы цивилизованная нация, развивающаяся за счёт своей земли и своих источников богатства.

Он перечислял:

Обширные плантации на финикийских землях. Множество рудников, неограниченные запасы серебра и золота. Наш великолепный морской порт приносит колоссальную прибыль, торговля процветает. Половина жителей Карфагена занимается ремеслом и торговлей, и это все ежедневно приносит городу баснословную выручку.

А затем он понижал голос, и его речи становились почти пророческими:

И теперь, когда мы процветаем, мы должны задуматься о наших моральных принципах. Город возводит храмы, благодарит богов золотом и дарами. А мы сами готовы эксплуатировать людей? Я видел истерзанных рабов в рудниках и на плантациях. Работорговцы оценивают человеческую жизнь в горсть золотых монет! Разве рабы - не такие же, как мы, создания Божьи? Вы возомнили себя богами, что взяли распоряжаться жизнью другого человека?!

Этими словами Афокл добился окончательной отмены рабства. Затем он ужесточил законы:

всех, кто тайно ввозил рабов или пытался торговать ими, лишали имущества. Всё конфисковывалось и поступало в городскую казну. Имения таких людей продавали с молотка на ежемесячных аукционах на центральной площади Карфагена. А ведь каждый житель Карфагена был невероятно богат. Те же семьи, что жили здесь со времён Дидоны, были уже баснословно обеспечены. И потому каждому было что терять и мало кто рисковал нарушать закон, установленный сенатом, особенно те законы, который ввел мудрый Афокл Барка.

Сунайт был человеком неприятным даже внешне. Его сутулая, костлявая спина то и дело мелькала в толпе сенаторов, словно чёрная тень, перебегающая от одной кучки обсуждающих что-то людей к другой. Перед каждым заседанием он двигался так нервно, будто выныривал из глубины людского гула, чтобы снова раствориться в нём. В его впалых тёмных глазницах постоянно блуждал недобрый огонёк, что выдавал истинную сущность хозяина. Речь у него была короткой, обрывистой, шепелявой; изредка он бросал в толпу визгливые реплики, подстрекая сенаторов на споры, а то и на откровенную ругань. В такие моменты его глазки заметно оживали, они радостно блестели, словно он упивался хаосом, который разжигал. Сунайт никогда не принимал ничью сторону. Его истинной целью всегда было одно - внести раздор, нарушить спокойствие или посеять сомнения.

Он не был потомком первых поселенцев Карфагена, чем так горделиво хвастались почти все члены сената. Как он вообще попал в правление города - оставалось загадкой. Но раздутые амбиции сенаторов, их болезненное тщеславие, основанное на древнем происхождении и несметных богатствах, делало их отношение к Сунайту снисходительным. Они презирали его, но терпели, как терпят змею, которая может укусить, но может и принести пользу, если правильно направить её яд. А яд у Сунайта был: коварство, хитрость и умение ловко манипулировать людьми. Когда-то именно работорговля сделала его одним из богатейших горожан. Но теперь, когда поток золота оборвался из-за законов Афокла Барки, он считал, что в его разорении виноваты только Баркиды.

Поглядывая на Гамилькара, который увлечённо рассказывал о проекте новой флотилии и необходимости выделения средств из казны, Сунайт напряжённо обдумывал план, как помешать, задержать или хотя бы осложнить принятие решения. Имя Баркидов вызывало у него такую исступлённую, почти болезненную злобу, что он едва мог смотреть в сторону любого представителя этой династии. А теперь, когда сын его давнего врага - Гамилькар - стал главным командующим военного гарнизона, Сунайт вынашивал план мести, который, как ему казалось, разрушит всё, что Баркиды задумали.

Простые карфагеняне, наоборот, глубоко уважали весь род Баркидов, благодаря законам, которые однажды изменили жизнь города. Когда стало известно, что новым военачальником станет сын самого почитаемого Афокла Барки, народ встретил эту новость с радостью: все помнили, каким умом и талантом был наделён его отец. Но главное - у Афокла было доброе сердце. Его глаза всегда светились любовью и тихой радостью при виде каждого человека. Его трагическая смерть от рук неизвестных разбойников долго оплакивалась жителями Карфагена. К воротам дворца Баркидов целый год приносили цветы.

По вечерам горожане стояли там, пели песни, прославляющие Афокла, будто желая удержать его дух рядом, чтобы он продолжал защищать город. Теперь же, встречая кого-нибудь из Баркидов, каждый карфагенянин кланялся им, как богам, громко прославляя их род. Все помнили главное: именно Афокл Барка отменил страшный закон о жертвоприношении первенцев, который веками исполнялся в Карфагене под давлением жрецов. Семьи приносили в жертву своих младенцев, дрожа от ужаса, плача, но боясь ослушаться. И только Афокл осмелился восстать против древнего ужаса, который парализовал город. Он разорвал этот проклятый круг кровавых обрядов, и город никогда этого не забыл.

Сейчас интуиция подсказывала Гамилькару опасность. Он снова втянул носом воздух. Нос заледенел, значит, в городе творится что-то непонятное и недоброе.

Что же это может быть?.. - тихо произнёс он.

Мой генерал!.. - Рик почти вбежал в шатёр, но его тут же оттеснил плечом Гасдрубал Красивый.

Почему этот мальчишка не пускал меня к тебе? - возмутился он. - Теперь и я не вхож в твой шатёр, мой друг?

Гасдрубал, докладывай, - резко прервал его Гамилькар.

Гасдрубал недовольно поморщился, метнул косой взгляд на Рика, но начал:

Мой генерал, патруль обнаружил корабль. Его трюмы... заполнены людьми.

Людьми? Какими людьми? - нахмурился Гамилькар.

Ими торгуют. Их продают как товар. Работорговцы привезли их из южной Африки, рассчитывая выгодно сбыть здесь, в Карфагене.

Но у нас работорговля запрещена! - взревел Гамилькар. - Все жители - вольнонаемные! Мы не позволяем торговать людьми!

Мы допросили торговцев, - продолжал Гасдрубал. - Они утверждают, что всего лишь исполняют чью-то волю. Молчат, ничего не отвечают. Говорят, не знают тех, кто отправил их сюда.

Отдай их Хуку, - резко бросил Гамилькар. - Он разговорит даже немого.

Мой генерал, что ты думаешь? - Гасдрубал придвинулся ближе. - Кто посмел нарушить наши законы? Все знают: работорговля у нас карается казнью через повешение.

Гамилькар задумчиво поводит носом, словно его нос искал в воздухе ответ.

Гасдрубал, друг мой... Мне кажется, кто-то пытается поссорить меня с влиятельными членами сената.

Какая-то кучка работорговцев? - недоверчиво спросил Гасдрубал. - Как они могут повлиять на твою дружбу с сенаторами?

Не знаю... - протянул Гамилькар. - Но что-то здесь есть. Я чувствую это.

Со двора гарнизона донёсся шум.

К вам прибыл ваш кузен Марсель Барка! - почтительно доложил Рик.

Пусть войдёт!

Кузен! Я рад тебя видеть! - Марсель влетел в шатёр, улыбаясь своей безупречной белокурой улыбкой и раскинув руки для братского объятия.

Он был младше Гамилькара на несколько лет. Единственный сын Эмилия. Его мать умерла при родах, оставив ему слабого младенца, который, вопреки всем прогнозам, выжил, но так и остался хрупким и болезненным. Из-за этого в военной школе Марсель обучался не физическим упражнениям, а военной стратегии, он стал военным советником.

Кузен отличался воспитанностью, культурой и редчайшим умом. Эмилий с детства развивал в нём качества удачливого политика. А годы, проведённые в военной школе, раскрыли в Марселе талант стратега. Гамилькар часто советовался с ним. Марсель умел так мягко и тактично внести мудрое предложение, что собеседнику казалось, будто он сам до этого додумался.

Гамилькар крепко обнял его:

Да, давненько мы не виделись! - искренне улыбнулся он. - Благодарю тебя, кузен, за то, что познакомил меня с самыми влиятельными членами сената. Они помогли мне расширить гарнизон и увеличить армию за счёт новобранцев, которых я набрал в Нумидии. Нумидийский царь, присягнувший нам в верности, теперь мой лучший друг и постоянно приглашает меня на охоту в свои земли...

Он поморщился и добавил:

Но ты ведь знаешь: я не люблю охоту. Убивать животных ради забавы - не моё.

Марсель чуть заметно кивнул, мягко, понимающе, как всегда. В его глазах мелькнул тот самый свет мудрой осторожности, который так ценил в нём Гамилькар.

Ты удивляешь меня постоянно, брат! - усмехнулся Марсель. - То ты проявляешь себя как беспощадный палач, то неожиданно жалеешь зверей, которых Зевс, между прочим, создал для охоты... Да ладно уж. Я приехал не за этим.

Меня отправили твои новые друзья - сенаторы. Могу я поговорить с тобой наедине? - он покосился на Гасдрубала.

У меня нет секретов от моего друга и соратника, - спокойно ответил Гамилькар. - Говори, кузен.

Кстати, о секретах... - Марсель тяжело вздохнул и закатил глаза к потолку шатра, будто заранее устав от предстоящего разговора. - Наш родовой совет подыскал тебе жену. Партия очень выгодная. И, между прочим, это дочь одного из тех сенаторов, который помог тебе выбить золото из городской казны на расширение твоей военной кампании.

Он выдержал паузу, затем продолжил:

Семья понимает, что ты можешь отказаться, поэтому сразу оговорила условия. Если ты не женишься, твой срок главного военачальника Карфагена закончится через два года после завершения нынешних четырёх лет.

Но если женитьба состоится - ты станешь постоянным, бессменным полководцем всей армии Карфагена. На суше и на море.

Я согласен, - без раздумий ответил Гамилькар.

Гасдрубал удивлённо поднял брови, он ожидал долгих рассуждений, сомнений, возражений.

И это не из-за условий совета, - добавил Гамилькар. - Просто пришло время создавать семью, а у меня нет возможности искать невесту. Передай, что я благодарен родным за заботу. После смерти моих родителей твой отец, дядя Эмилий, сделал всё, чтобы я получил образование, место в обществе и ту должность, о которой мечтал с детства. Как я могу идти против своей семьи?

Марсель мягко улыбнулся, так он улыбался редко.

А мой отец всегда помнил, что ему дал твой отец. Он часто повторял нам, что наша кровь идёт от самой Дидоны - основательницы Карфагена. А наш пра-прадед Самуил Барка был её первым застройщиком и правой рукой. Твой отец всегда чтит традиции города... Мы до сих пор оплакиваем смерть твоих родителей, погибших от рук каких-то разбойников.

Гамилькар стиснул кулаки, но голос его оставался ровным:

Да. Именно из-за этого я поклялся очистить Карфаген от любой нечисти, от разбойников, воров и всех, кто не желает жить по законам нашего города. Пока я жив, порядок здесь будет всегда.

Гамилькар, я возвращаюсь домой и передам семье, чтобы готовили свадьбу, - сказал Марсель, поднимаясь. - Ты даже не спросил о невесте... ни имени, ни того, какая она.

Гамилькар рассмеялся, будто отбросив тревогу последних дней:

У меня впереди целая жизнь. Со временем я узнаю её поближе.

Марсель покачал головой, но в глазах его блеснула тёплая искра: перед ним стоял не просто военачальник, а человек, который никогда не уклонялся от долга.

Проводив кузена, Гамилькар повернулся к Гасдрубалу. Тот всё это время стоял, отвернувшись. Но стоило Гамилькару приблизиться, как он увидел: красивые голубые глаза друга были наполнены слезами.

Что с тобой, мой друг? - воскликнул Гамилькар. - Что так опечалило тебя? Я никогда не видел твоих слёз... даже тогда, когда безжалостный Хук выпорол тебя вместо меня, когда

поймал нас, вылезаящих из окна, чтобы сбежать на городской карнавал. Тогда твоя спина была вся в крови, но ты ни разу не вздрогнул и не проронил ни слезинки. Что же с тобой сейчас происходит?

Гасдрубал медленно повернулся. Голос его был тихим, надломленным:
Меня опечалила весть о твоей скорой свадьбе. Ты... покинешь меня.

И Хук был прав: я люблю тебя не только как друга. Я люблю тебя больше, чем друга.

Он резко поднялся, сделал несколько быстрых шагов и обнял Гамилькара. А затем, задержав на нём долгий, отчаянный взгляд, как перед прыжком в пропасть, поцеловал его в губы. Поцелуй был горячим, сильным, будто в нём скопились годы невысказанной любви. Гамилькар с детства видел подобное.

В военной школе юноши часто находили утешение друг в друге: ночами перебегали в соседние постели, и темнота казарм наполнялась сладострастными стонами. Но Гамилькар никогда не позволял себе ни отвлечения, ни слабости: его целью было одно - стать главнокомандующим. Он не позволял себе думать ни о чём, кроме службы, тренировок и укрепления духа. Тот вечер, когда они с Гасдрубалом хотели тайком сбежать на ночной карнавал, он помнил до мелочей. Тогда Гамилькар впервые нарушил правила школы, поддавшись на уговоры друга. Они только ступили на нижний карниз, как всевидящий Хук схватил их. Помнил он и другое: как Гасдрубал оттолкнул его в сторону и принял удары хлыста на себя, и за себя, и за друга. Тогда спина его была изранена до крови.

На вопрос «зачем?» Гасдрубал ответил просто:

«Ты - будущий главнокомандующий. У тебя должна быть чистая репутация. А меня за деньги отца не выгонят.»

Этот поступок Гасдрубала Красивого Гамилькар не забывал никогда. И когда он получил должность военачальника заслуженно, блестящими знаниями и уважением всех, он сделал его своим ближайшим помощником, человеком, которому доверял как себе.

Вкус поцелуя Гасдрубала вспыхнул в памяти Гамилькара странным, почти забытым теплом.

Он пробудил далёкое чувство - нежные, любящие объятия матери, то, что он запрещал себе вспоминать долгие годы. На глаза Гамилькара тоже навернулись слёзы. Но вместе с ними пришла и боль. Острая, режущая, как лезвие, память о том дне, когда он получил весть о гибели всей своей семьи. Эта боль, словно удар, вернула его в реальность. Он резко отпрянул от Гасдрубала, будто боялся, что если задержится ещё миг, то рухнет весь его железный мир, выстроенный трудом, волей и клятвой, данной над гробами родителей.

Прости, мой друг, - тихо сказал Гамилькар. - Я тоже люблю тебя... но так, как любят брата. А теперь мой долг - следовать воле семьи и жениться на той, кого они избрали мне в жёны. Я не пойду наперекор Баркидам. Они верят в меня, и я отвечу им тем же - полным доверием и поддержкой.

Гасдрубал отвёл взгляд, слёзы медленно стекали по его щекам.

Да... я понимаю тебя, - прошептал он. - Прости, что поддался чувствам. Я... всегда мечтал быть рядом с тобой.

Но мы ведь не расстаёмся, мой друг! - Гамилькар схватил его за плечи. - Я и дальше буду проводить с тобой больше времени, чем с женой. У нас впереди множество дел, множество нерешённых задач. Наш флот, я вижу его даже во сне! Эти быстрые, маневренные корабли, что как молния атакуют врага, таранят его мощной кормой и исчезают в волнах. Корабли-молнии... вот что занимает мой разум!

Он улыбнулся, но в глазах его мелькнуло что-то стальное, непреклонное.

И ещё мне нужны сыновья. Их мне родит жена. Баркиды позаботились обо мне, и это хорошо. А если семья моей будущей супруги будет помогать мне реализовывать мои планы, это станет великолепным союзом. Прости меня, друг, что мои чувства к тебе - не такие, как твои.

Он помолчал, будто собираясь с силами.

Возможно, покажется, что мои цели корыстны по отношению к будущей жене. Но ты знаешь: моя любовь принадлежит Карфагену. Он - вся моя душа. С детства я думаю только о его безопасности. Ночами меня преследовали кошмары... я видел лица разбойников, гнавшихся за колесницей моего отца. Видел, как они убивали мою мать. Как отец бился до последнего вздоха...

Он сжал кулаки.

Эти сны преследовали меня годами. Поэтому я поклялся: до последней капли крови я буду защищать Карфаген. И любого, кто посягнет на покой моего города, я разорву на части!

Я думаю о том, как мои корабли будут рассекать море. Как без единого выстрела подплывают к врагу и одним ударом кормы разорвут вражеский корабль надвое...

Но это невозможно, - тихо сказал Гасдрубал.

Гамилькар хмыкнул.

Невозможно? Ты ведь знаешь меня. Я всегда делаю всё, чтобы невозможное стало возможным. Помнишь, ты спорил, что нумидийский царь, который меня ненавидел, никогда не станет моим другом? А теперь он зовёт меня на охоту, как родного брата.

Да... да, - смущённо произнёс Гасдрубал. - Прости, что часто сомневаюсь в твоих словах.

Не проси прощения. Сколько можно? - Гамилькар рассмеялся. - Ты и нужен мне для того, чтобы присматривать за мной, чтобы я не улетел в своих мечтах слишком далеко или высоко.

Они обнялись за плечи и вышли из шатра. На улице их уже ждал Хук. Прищурился единственным глазом, старый вояка почтительно склонил голову.

Мой генерал... допрос окончен, - произнёс он хриплым голосом. - Я сам вёл его. Работорговцы признались, по чьему поручению привезли этот... запрещённый товар. Назвали имя приезжего римского купца. Но понятно одно: без чьей-то поддержки из сената они бы никогда не осмелились завозить рабов в Карфаген.

Он плюнул в сторону, как будто слово «рабы» осквернило воздух.

Рабы могут поднять бунт. Так всегда считали Баркиды. Наш город слишком богат, мы можем позволить себе вольнонаёмных работников. К нам стекаются люди из всех уголков света, чтобы заработать. Нет ни одного разумного основания возвращать рабство... если только кому-то из правящих это не выгодно...

Он снова прищурился.

Мой генерал... здесь пахнет изменой. И запах идёт оттуда, где сидят те, кто считает себя умнее и сильнее всех.

Гамилькар почувствовал, как леденеет его нос.

Опасность снова была рядом.

- Ладно, разберёмся! - резко прервал Гамилькар ворчание Хука, который уже в который раз повторял своё донесение. - Я еду во дворец готовиться к свадьбе. Баркиды нашли мне выгодную партию в жёны. Надеюсь, она окажется посимпатичнее тебя, - добавил он, заметив удивлённую гримасу старого грека.

- Ты доволен, старый вояка? Я скоро женюсь! И надеюсь, что в ближайшие годы по двору гарнизона будут бегать мои сыновья! Клянусь, они станут сильными и славными воинами, которые прославят род Баркидов и наш великий Карфаген!

С этими словами Гамилькар вскочил в колесницу и поскакал прочь из гарнизона, места, которое много лет было ему родным домом, в свой родовой дворец. Раз семья требует продолжения рода, значит, так тому и быть, - подумал он.

Эмилий Барка, младший брат покойного Афокла, после трагедии, постигшей их семью, переехал во дворец и взял на себя заботу о племянниках. Осиротевшие дети, восьмилетний Гамилькар и трое его младших сестёр, сидели тогда, забившись в маленькую комнату, и в слезах оплакивали мать и отца. Они понимали слишком много для своих лет, и их лица будто повзрослели от горя. Эмилий не знал, как облегчить их боль. Он видел, как на глазах менялся Гамилькар: за считанные недели мальчик превратился в сурового, почти молчаливого юношу. В огромных серых глазах появился странный, пронзительный, почти неземной свет, словно он видел людей насквозь. От этого мудрого, слишком взрослого для ребёнка взгляда, дяде становилось не по себе. Эмилий любил своих племянников и делал всё возможное, чтобы заменить им родителей. Когда Гамилькар попросил отдать его в военную школу, Эмилий, не раздумывая, согласился. Этот путь был единственно правильным: мальчики Карфагена с ранних лет росли в военном гарнизоне, где закалялись характер и сила. Афокл же, при жизни, не отправил сына в школу, к мальчику были приставлены лучшие учителя Карфагена. Они обучали его не только военному делу, но и философии, греческому, македонскому и латинскому языкам, астрономии, арифметике, истории. Гамилькар удивлял всех: он быстро постигал науки, проявлял лидерские качества, заботился о младших сёстрах и о кузене Марселе - сыне Эмилия, младше его на четыре года. Они росли в большом родовом дворце Баркидов одной дружной семьёй. Только Бостор, средний брат Афокла, ушёл из родового дома. Он обосновался на окраине города, рядом с рудниками Баркидов, предпочтя уединённую жизнь шуму и политике столицы.

Сейчас, перед воротами дворца, который когда-то построил покойный Барка - отец Гамилькара, стоял возмужавший мужчина, самый смелый и ловкий воин, которого по рекомендации Военного совета сенат назначил главнокомандующим карфагенской армии. Он много лет не переступал порога своего дома, потому что тогда, в восьмилетнем возрасте, поклялся отомстить тем, кто ограбил и убил его родителей в ту роковую ночь. Грабители были давно пойманы и наказаны, но каждый, кто посягал на мирную жизнь карфагенян, становился для Гамилькара личным врагом.

«Мой город - это и есть мой дом. Земля, на которой построен Карфаген, - священна. Она дала приют моим предкам, Дидоне и Анне, бежавшим от безумного брата, и они воздвигли здесь этот величественный город - город-сказку, город-мечту, где каждый, кто приходит, находит своё призвание, свою любовь, своё богатство. И я буду защищать и беречь всех жителей, каждый дом и каждое деревце нашего Карфагена!» - часто повторял Гамилькар себе и друзьям.

В его словах всегда звучала такая неподдельная сила любви и сострадания, что те, кто находился рядом, заражались его страстью и смотрели на него с искренним восхищением.

Эмилий вышел встречать своего легендарного племянника, о котором уже говорил весь сенат как о талантливом полководце и дальновидном политике. Гамилькар без единого выстрела присоединил к Карфагену огромное нумидийское государство, чьи границы десятилетиями нарушались постоянными набегами.

После смерти Афокла Эмилий отправил Гамилькара вместе с Марселем в военный гарнизон постигать военную науку, чтобы в дальнейшем он смог возглавить национальную армию Карфагена.

Ты делаешь огромные успехи в области политики, - с открытой улыбкой говорил Эмилий, обнимая племянника и похлопывая его по плечу. - Как тебе удалось так легко договориться с этим кровожадным и алчным нумидийским хитрюгой? Или твой друг Гасдрубал Красивый его так обаял? Говорят, этот царёк ещё тот извращенец... он просто обожает красивых мужчин.

Они вошли во дворец, где их ждал изысканный ужин. Гамилькар, привыкший к простой военной пище, быстро насытился, встал из-за стола и направился в свои покои. Ему с детства принадлежало всё правое крыло замка.

Каждая комната, каждый запах были до боли знакомым, словно время не коснулось этих стен. И вдруг перед глазами возникло прошлое.

Он вспомнил, как дядя вошёл в его комнату в тот страшный день и сообщил о гибели родителей. Тогда Гамилькару показалось, что время остановилось, и он словно провалился в другое измерение, где нет ни звуков, ни красок, ни запахов. Мир стал чужим, и он сам мгновенно изменился, повзрослел.

Гамилькар не плакал.

Он молча гладил по голове каждую сестру, пытаясь хоть как-то утешить их. Все дети были погодками; младшей было всего пять лет. Они стояли, обнявшись, как маленькие птички, опустив головы с длинными светлыми волосами, унаследованными от матери, и ладошками вытирали слёзы, которые ручьями стекали из их серых глаз. Цвет глаз они получили от отца, и все дети Баркидов отличались этим особым стальным взглядом, спокойным, но пронзительным. Фамилию Барка они унаследовали от своего легендарного предка - инженера и застройщика Самуила Барки, ближайшего помощника царицы Дидоны, который женился на её сестре Анне. От этой пары и началась великая династия Баркидов, владеющая половиной недвижимого имущества Карфагена, множеством рудников по добыче золота и чеканке монет.

Правящий сенат города возглавлял Баркид, и треть сенаторов состояли из представителей их рода. Все сестры Гамилькара были выданы замуж за влиятельных и богатых горожан, и их мужья сразу же получали места в парламенте. Поддержка сената Гамилькару была обеспечена, а главным казначеем Карфагена был его зять - муж одной из сестёр Баркидов.

Дядя, я хочу построить новые маневренные корабли. У меня уже есть чертежи, я сам их спроектировал. Взгляни-ка! - сказал Гамилькар.

Представителям рода Барка по наследству достался талант проектировщиков. Многие из них успешно развивали это ремесло: одни строили дома и замки, другие создавали великолепные колесницы и кареты. Поэтому Эмилий ничуть не удивился, когда племянник раскидал на огромном дубовом столе в кабинете свитки пергамента с чертежами.

Ну-ка, ну-ка, ну-ка... Посмотри на него! - воскликнул восхищённый Эмилий. - Да это же шедевральные корабли!

Острый ум дяди мгновенно оценил масштаб замысла.

Сколько золота тебе нужно? - возбуждённо затараторил он.

Да, нам нужна флотилия, — уверенно ответил Гамилькар. - Это будут корабли будущего. Золото, которое вы выделили, уже закончилось. Мне нужно в три раза больше, потому что я заказал новый дорогостоящий материал, сплавы для нержавеющей стали.

Но такой стали, которая не ржавеет, не существует! - в изумлении воскликнул Эмилий.

Её можно изготовить, смешав несколько сплавов, - спокойно пояснил Гамилькар. - Этим мы и занимаемся. Корабли уже почти построены. Но нос... нос этих красавцев выйдет очень дорогим. Но и окупится. Они будут таранить вражеские суда сбоку, разрезая их пополам, а затем быстро отходить без боя. Я проектировал их так, чтобы они были лёгкими и маневренными. Они будут летать по волнам, как молния.

И назову их так же - Барка-молния, в честь нашего легендарного предка Самуила Барки. Пусть весь мир знает, кто построил Карфаген!

Невероятно... - прошептал Эмилий, всё ещё разглядывая чертежи чудо-кораблей. - Золото получишь после свадьбы.

А когда свадьба? - оживился Гамилькар.

Через два месяца. Приготовления уже вовсю идут. За это время я улажу все вопросы в городской казне.

Эмилий был одним из самых влиятельных сенаторов Карфагена. Он, как и его знаменитый брат, обладал острым умом и блестящими дипломатическими способностями. После гибели Афохла он успешно развивал все дела семьи, заключил выгодные браки за своих племянниц, выдав их за перспективных представителей богатейших династий города.

Уже почти четверть века Эмилий занимал важнейший государственный пост: он был первым суфкетом, открывал и вел заседания сената. Вторым суфкетом был Малх Магонид, человек с огромным богатством и влиянием, чьи предки вместе с первой царицей Дидоной возводили город и его главную жемчужину - величественный морской порт.

Огромный авторитет Афохла Барки, легендарного реформатора Карфагена, неизменно бросал мощную тень на Эмилия. Никто в сенате не решался открыто оспаривать его слова или предложения: вес имени Баркидов и мудрость самого Эмилия, делали его почти неприкосновенным.

Эмилий помог многим членам рода продвинуться в карьере, и назначение Гамилькара тоже не обошлось без участия всемогущего дяди. Он рано овдовел: его жена умерла при родах, оставив ему новорожденного сына, Марселя. Эмилий остался верен своей покойной супруге и больше никогда не женился. Всё своё время и энергию он посвятил делам города и укреплению влияния семьи Баркидов. Как и все представители их династии, он был обладателем серых глаз и стального взгляда, который будто отливал холодным металлом. Но сейчас его глаза светились не суровостью, а ликованием и гордостью за талантливого племянника, чьи успехи могли поднять имя Баркидов ещё выше.

Ты даже не спросишь, кто твоя невеста?

- А зачем? - засмеялся Гамилькар. - Думаю, ты позаботился о том, чтобы наш род продолжался и был счастлив?

Конечно! Даже не сомневайся, - заулыбался дядя. - Сделка будет успешной. А если повезёт, и вы ещё полюбите друг друга, как любили друг друга твои покойные родители, то ты мне будешь должен ещё больше!

Я тебе и так должен, дядя, - ответил Гамилькар. - Ты столько для нас сделал!

Я старался быть всего лишь хорошим братом для твоего отца, поверь мне, - мягко сказал Эмилий. - Он выкопал для нас фундамент, а я построил дом. Теперь нам всем прекрасно в нём живётся. Этот дом - наш Карфаген. Твой отец заработал всё своим честным трудом. Он был прекрасным проектировщиком и, вместе с тем, мог работать руками наравне с любым мастером. За это его уважали и ценили все, без исключения.

Эмилий тяжело вздохнул, но глаза его светились тёплой гордостью.

Теперь моя очередь заботиться о вас, его детях. Этим я и занимался всю свою жизнь. Род Баркидов должен процветать!

ГЛАВА 2 СВАДЬБА ГАМИЛЬКАРА

Два месяца подготовки к свадьбе пролетели для Гамилькара незаметно. Он сутками пропадавал в военном лагере: идея быстрых маневренных кораблей поглотила его настолько, что он едва не пропустил собственную свадебную церемонию.

Позже он направил петицию в Парламент города, требуя увеличить финансирование строительства военного флота. Но далеко не всем эта идея пришлась по душе. Многие члены совета считали, что Карфагену ничто не угрожает, а траты на флот, это пустая растрата казны.

Карфаген процветал, торговля приносила городу огромную прибыль. Каждый ремесленник, земледелец, торговец любил свою землю: труд здесь вознаграждался, жизнь была мирной и благополучной. Казалось, в Карфагене нет бедняков: у каждого были благоустроенные жилища, достаток и уверенность в будущем. Культ чистоты, заложенный ещё царицей Дидоной, превратился в важную часть городской культуры. Здесь это было больше, чем просто омоложение - это был ритуал очищения души и тела. Город изобиловал общественными банями и саунами, куда мог прийти любой - и сенатор и ремесленник.

В парных обсуждали всё: от бытовых проблем до сложных политических вопросов. Каждый карфагенянин чувствовал себя частью большого организма - города-мечты, и стремился внести свой вклад в его процветание. Даже путешественники, ступив сюда впервые, мгновенно заражались атмосферой добра и любви. Покидать этот город им было по-настоящему тяжело.

Но золотое время наступило не сразу. На протяжении веков Карфаген жил под тенью страшного обряда, установленного жрецами после проклятия Дидоны (см. книгу «Я Ведьма. Жизнь до и после»).

Долгое время город преследовали несчастья: засуха, погибшие урожаи, непрекращающиеся штормы, из-за которых торговые суда не могли пришвартоваться, голод, эпидемии.

На том страшном костре, где Дидона сожгла себя, проклиная богов Олимпа, погибли многие горожане. С тех пор Карфаген будто накрыла густая тень. Статуя Зевса в центре города стояла чёрной от гари, как напоминание об их гневе. Жрецы решили, что Боги требуют жертв, чтобы вернуть городу удачу. Наступил век тьмы. Каждая семья обязана была приносить в жертву своего младенца-первенца. В храме Зевса верховный жрец, выкрикивая мольбы о пощаде, вырезал сердце у кричащего младенца и окроплял кровью ноги статуи громовержца и других богов. В глубокой яме во дворе храма хоронили тела принесённых в жертву детей. Горожане плакали, стенали, но выполняли веления жрецов, боясь повторения древнего проклятия. Так проходили годы, десятилетия, столетия. Храм Зевса был переполнен могилами невинных младенцев.

Но со временем статуи побелели от солнца и дождей, город ожил, торговля вернулась, прекратились засухи и эпидемии. И хотя опасность давно миновала, карфагеняне продолжали приносить жертвы из страха, в память о старых ужасах, из-за древних преданий.

История о Дидоне превращалась в легенду, обряд - в страшилку, которую матери рассказывали детям перед сном.

Афокл Барка смог добиться в сенате полного устранения этого жестокого ритуала. Он произнёс речь, которая потрясла город. Афокл сказал, что нет больше смысла приносить в жертву самое дорогое - своих детей.

Богов можно умиловать золотом, дарами, служением.

Жрецы, посоветовавшись, согласились, но потребовали огромные ежегодные выплаты из казны. Испуганные сенаторы молча подписали этот указ, шепча молитвы, чтобы кара Зевса не обрушилась на них.

Афокл ввёл множество новых законов, преобразивших город.

При его жизни, территория Карфагена расширилась почти вдвое. Мелкие финикийские города добровольно становились его колониями. Золотые рудники приносили баснословный доход.

Город преображался, стены домов красили яркими красками из Греции, лучшие мастера создавали фасады и храмы, на крышах и входах ставили статуи богов. По всему городу действовали водопроводы, а вода из канализации шла на орошение земель.

Путешественники, ступив на улицы Карфагена, замирали в восхищении, настолько чистой и лёгкой была атмосфера этого места.

Карфагеняне были улыбчивыми, открытыми и приветливыми людьми. Они гордились своим городом, но о жертвоприношениях и проклятии Дидоны говорили только шёпотом и только среди своих.

Мой генерал! - вбежав шатер Гамилькара, воскликнул запыхавшийся Рик.

- За вами приехала свадебная карета! У вас ведь сегодня свадьба!

Он стоял, широко раскрыв глаза, глядя на Гамилькара как растерянный ребёнок: Рик сам забыл о сегодняшнем бракосочетании, хотя неделю назад собственноручно подготовил свадебный наряд для своего полководца.

Господин, я немедля помогу вам одеться, - сказал он, заметив, что Гамилькар продолжает спокойно складывать свои чертежи, будто речь шла о пустяке.

Спустя несколько секунд Гамилькар будто вернулся в реальность. Он резко поднял голову и вскрикнул:

Рик! Сегодня ведь моя свадьба! Зови скорее Хука! Пусть всё здесь соберёт! А мне необходимо готовиться!

Рабочий стол Гамилькара прогибался под весом бесконечного количества чертежей, таблиц, расчётов и важных бумаг. Казалось, на такую работу нужна целая жизнь. Иногда он не отходил от своих чертежей ночи напролёт. Казалось, он вовсе не спал, ни одна черта его лица не выдавала усталости. Он всегда оставался собранным, бодрым, полным энергии и внутреннего огня.

В палатку вошёл Хук, как всегда ворча что-то себе под нос. Он и без того недолюбливал Рика, постоянно задирал и одёргивал молодого оруженосца, а теперь и вовсе разозлился, тот умудрился забыть о свадьбе господина.

Глупый мальчишка! Как ты мог забыть о свадьбе своего генерала? Ты ни к чему не годен, никчёмный! - прикрикнул старый учитель, замахнувшись на Рика своим коротким копьём, с которым никогда не расставался. - На улице уже стоит экипаж со свадебной каретой! А какие превосходные лошади... вы только посмотрите... я таких никогда не видел! - пробормотал Хук, то ли обращаясь к Гамилькар, то ли к самому себе.

Быстрыми, ловкими движениями Рик помог своему господину снять военную тунику и сандалии и принялся облачать его в роскошные свадебные одеяния. Туника была расшита золотом и серебром, лучи солнца, проникающие в палатку, вспыхивали на её узорах ярким огнём. Накидка благородного бордового цвета подчёркивала величавую статью Гамилькара, а сандалии, изготовленные лучшими кожевниками, красиво переплетались на мощной мускулистой голени полководца.

Снаружи, оставляя на дороге лёгкие клубы пыли, два резвых скакуна, запряжённые в двуколку, доставили Гасдрубала Красивого к шатру его сердечного друга. Его шлем был украшен пышными перьями, туника - инкрустирована камнями, а накидка переливалась в солнечных лучах. Он был настолько красив, что все присутствующие на мгновение обомлели, будто потеряли дар речи.

Красивый, статный, ростом почти в два метра, он всегда выглядел безупречно. Черты его лица были идеальны: чёрные, будто начерченные, от природы правильной формы брови; ярко-голубые глаза, словно море; пухлые чувственные губы и выразительный греческий нос. Даже отправляясь в поход, он умел выглядеть привлекательно. Но сегодня он превзошёл самого себя, стоял перед всеми, как живой античный бог.

Господин, вы выглядите так, будто сегодня ваша свадьба! - запинаясь от изумления, сказал Рик. Он всё ещё пялился на Гасдрубала Красивого, пока не заметил приближающегося Гамилькара. Очнувшись, Рик помог своему господину забраться в свадебную двуколку, сам до конца не придя в себя от эмоций, вызванных ослепительным видом Гасдрубала.

Гамилькар легко запрыгнул в двуколку и отдал команду трогаться. Следом за ним поехал и Гасдрубал Красивый.

Когда двуколка въехала во двор дворца, Гамилькар ловким движением спрыгнул на землю и стремительно взбежал по ступеням. Гасдрубал Красивый последовал за ним неторопливо, величаво, как всегда.

Гамилькар был искренне удивлён, гостей оказалось куда больше, чем он ожидал. Огромная зала его дома была заполнена самыми влиятельными и богатыми жителями Карфагена, которые пришли поздравить своего полководца. В воздухе стояла плотная, почти осязаемая атмосфера радости и ожидания. Гамилькар сделал привычный вдох носом, проверяя воздух на опасность, но, к счастью, ничего подозрительного не почувствовал.

Дорогой друг, я вижу, ты как всегда принимаешься, - улыбаясь, шёпотом сказал Гасдрубал, изящно изогнув свою красивую бровь.

Привычка, - коротко бросил Гамилькар.

Но когда же я увижу ту, что похитит твоё сердце? - почти с досадой произнёс Гасдрубал.

Они уже около получаса стояли у алтаря, где возвышались статуи Зевса и Геры - богини хранительницы семейного очага в ожидании невесты. Гамилькар молча рассматривал статуи богов, думая о том, как будет расцветать его город благодаря этому союзу. Карфаген и без того был могущественным, богатым городом, союз с нумидийскими торговцами умножил его роскошь во много раз. Нумидийские мастера творили чудеса: их украшения отличались таким изяществом и тонкостью, будто были созданы богами. Карфагеняне добывали золото в невероятных количествах - рудники Баркидов кормили не только город, но и все его колонии. Почти всё золото шло на чеканку монет и слитков, сотрудничество с нумидийцами, которые превращали металл в шедевры, было словно благословение от самой богини Танит, поэтому Баркиды из своих собственных запасов выделяли золото на заказ уникальных украшений. Гамилькар не видел ничего подобного раньше: изящные цепи, кольцо тончайшей работы, браслеты, играющие на свету, кольца и серьги, в которых камни светились, будто пульсировали изнутри, всё это казалось делом рук искусного бога.

Он машинально взглянул на свой перстень - подарок нумидийского царя. Перстень был не просто украшением. Он хранил в себе тайну, которую знал лишь Гамилькар да царь, вручивший ему реликвию с необычным блеском в глазах. Внезапно торжественно затрубили трубы и глашатай объявил о прибытии невесты. С противоположного конца залы, из потайной комнаты, скрытой за колоннами, вышла девушка, и её вел отец.

Отец Селены - Малх Магонид, был очень влиятельным человеком в городе. Род Магонидов принадлежал к числу первых поселенцев Карфагена. Они еще с давних пор, вместе с царицей Дидоной поднимали город, укрепляли порты, возводили стены, освящали землю у моря.

Магониды всегда мечтали породниться с Баркидами, но судьба была жестока к их роду: мальчики редко доживали до юности, а девочки, напротив, отличались крепким здоровьем и редкой красотой. Несколько десятилетий назад казалось, что род Магонидов исчезнет вовсе. Но затем, словно небеса смилоствивились, у Малха родилось семь сыновей. А вместе с ними и одна-единственная дочь - та, что сегодня шла под руку с отцом, чтобы стать женой Гамилькара.

Малх Магонид и дядя Гамилькара - Эмилий Барка, задумали этот союз давно, задолго до сегодняшнего дня. Тогда Селене едва исполнилось шесть лет, а Гамилькар, достигший порога юности, только начинал понимать, какой путь предназначила ему судьба. Вожди двух древних родов увидели в союзе своих детей не просто выгодную партию, но замок, которым навечно скрепляются стены Карфагена.

Малх был человеком, которого невозможно было не заметить. Высокий, крепкий, с широкими плечами и тяжёлой поступью человека, привыкшего управлять людьми так же уверенно, как моряк управляет кораблём. Его наряд был почти царственным - глубокая голубая туника, расшитая золотом, мерцала при каждом шаге, словно поверхность ночного моря, усыпанная звёздами. Изящные кожаные сандалии, украшенные чеканкой, подчеркивали благородство его движений. Красивые седые волосы, аккуратно зачёсанные назад и ухоженная борода обрамляли лицо, на котором читалась сила человека, привыкшего повелевать.

За Малхом и Селеной шли его семеро сыновей - высокие, широкоплечие, похожие друг на друга, словно статуи, сошедшие с фронтона храма. Их шаги эхом отдавались по мрамору, будто тяжёлые удары сердца рода Магонидов.

Гамилькар на мгновение забыл обо всём, его взгляд медленно скользнул по фигуре тестя, его осанке... И затем остановился на Селене. Она шла рядом с отцом словно луч утреннего света, который пробился сквозь каменную арку. Изящная, миниатюрная, рядом с могучим Малхом она казалась хрупким, но живучим цветком, выросшим среди скал. В Селене было нечто лёгкое, природное, как будто она не вошла в зал, а незаметно возникла, будто из воздуха. Пышные светлые волосы были подняты в высокую причёску, из которой свободно спадали несколько тонких прядей, мягко обрамляя её лицо. Золотая диадема, инкрустированная рубинами и изумрудами - подарок Гамилькара, сияла, как корона нимфы, камни переливались при каждом её шаге, подчеркивая ее красоту и аристократизм.

Незадолго до свадьбы Гамилькар получил от нумидийского царя множество даров. Это были настоящие сокровища: сундуки с украшениями, которые мог бы носить и сам бог Аполлон. Когда их увидел Гасдрубал Красивый - тонкий ценитель красоты и стиля, он без колебаний выбрал изумительной работы ожерелье в виде золотой змеи, усыпанной россыпью чёрных бриллиантов, и велел поднести его Селене.

На дневном свету змея будто шевелила кольцами, ловя солнечные искры. А ночью её чёрные камни мерцали в огнях факелов таким загадочным светом, что казалось, это не украшение, а древний нумидийский амулет, хранящий какую-то тайну. Свадебная туника Селены усиливала это впечатление. Полупрозрачная, будто сотканная из утреннего тумана, она была вышита золотыми и серебряными нитями. Девушка шла, и ткань струилась по её телу мягко и легко, словно облако, подчёркивая каждый изгиб её стройной фигуры. Два украшенных бисером пояса в форме каркаса деликатно подчёркивали тонкую талию и высокую грудь. И всё вместе - диадема, змеиное ожерелье, белая туника - делало её похожей не на жительницу Карфагена, а на посланницу древних лесов, невесомую и соблазнительную. Гости смотрели на неё, затаив дыхание.

Даже те, кто пришёл исключительно ради политики, казалось, на миг поверили в сказку. А Гамилькар...

Гамилькар понял, что эта свадьба изменит не только его жизнь, но, возможно, и судьбу Карфагена.

Селена словно светилась мягким, неземным сиянием, таким, какое бывает у утреннего тумана, когда солнце только-только коснулось горизонта. Она медленно подняла глаза на Гамилькара, и в этот миг его будто пронзило током. Её огромные миндалевидные глаза, зелёные как молодая листва после дождя, обрамляли пушистые тёмные ресницы, и когда Селена

смущённо опустила взгляд, Гамилькар ощутил, что в груди его что-то дрогнуло. На первый взгляд ей можно было дать не больше четырнадцати, настолько юной и хрупкой она казалась. Но в действительности Селене было восемнадцать. Тонкие запястья, красивые мягкие губы, маленькая грудь, всё в её облике дышало нежностью и красотой.

И всё же... в этой утончённой хрупкости жила неожиданная теплая чувственность, и ее не скрыть никаким покровом.

Гамилькар смотрел на неё и, как всегда, анализировал каждую деталь - наклон головы, линию губ, то, как она держится. Он был человеком, привыкшим читать людей быстрее, чем они успевали заговорить.

И за эти несколько мгновений понял: она подходит ему.

Подходит по судьбе, по нраву, по той внутренней гармонии, которую он ощущал рядом с ней. В её взгляде он увидел мягкую покорность,... и какое-то удивительное материнское спокойствие, будто сама богиня Танит коснулась её души. Гамилькар тихо, едва шевельнув губами, прошептал, обращаясь мысленно к дяде:

- Спасибо тебе, Эмилий... невеста мне по душе.

Но острый слух Гасдрубала Красивого уловил каждое слово.

Радуешься, жених? - едва слышно хихикнул он за спиной Гамилькара. - Женщины... они ещё те ведьмы, полны тайн и загадок. Нам бы, дружище, политикой заниматься, а не пытаться разгадать их секреты.

Гамилькар едва заметно повёл бровью в сторону друга, и Гасдрубал мгновенно умолк. В этот момент в зале зазвучала нежная свадебная мелодия флейты. Голоса стихли, казалось, что весь Карфаген, этот город-государство, смотрит сейчас только на молодожен. Церемонию бракосочетания вели два величественных мужа - главы древних и влиятельных родов: Эмилий Барка и Малх Магонид. Они стояли по обе стороны алтаря, словно воплощая собой два ствола одного могучего дерева, которому предстояло соединить ветви будущего. Эмилий, выступающий от имени покойного Афокла Барки, медленно и торжественно взял племянника за правую руку. Малх - отец Селены, с той же величавой неторопливостью взял ладонь своей дочери - маленькую, нежную, почти детскую, но уже наполненную силой женственности. Шаг за шагом они приблизили руки молодожёнов друг к другу и вместе подняли их к статуе богини Геры - величавой хранительницы супружества. Мраморное лицо богини, освещённое сотнями огней, казалось живым: свет играл на её скулах, тени ложились под глаза, будто Гера сама внимательно наблюдала за происходящим. Гул голосов стих, в огромной зале стало так тихо, что можно было услышать, как потрескивает масло в священных лампадах. И тогда Эмилий и Малх произнесли старинную молитву, унаследованную ещё от первых поселенцев, от тех, кто шёл за Дидоной, строя город на земле, купленной, благодаря женской смекалке и благословением судьбы:

- О великая заступница и покровительница семей, богиня Гера...

Просим тебя принять в лоно своей священной семьи Гамилькара Барка и Селену Магонид.

Свяжи их нерушимой нитью любви, преданности и благочестия.

Заклинаем тебя: пусть их союз будет крепок! Пусть Селена вступит в дом Баркидов как благословение,

и станет хранительницей очага, света и мира в этом роду!

Пусть в их семье родятся храбрые воины сильные духом, и прекрасные девы, достойные богинь.

Да объединятся навеки два славных дома - Магонидов и Баркидов - во имя будущего Карфагена, во имя мира и славы нашего народа.

Да будет так!

И вслед за ними, поднимая руки к небесам, весь зал взорвался мощным хором:

Да будет так!

Да будет так!

Да будет так!

Звук был столь сильным, что вибрация прошла по мраморным стенам и колоннам, будто сам храм ответил на эти слова. И тут сверху, словно по знаку богини, на молодожёнов посыпался дождь из золотых монет. Гости бросали их горстями, в Карфагене не было бедняков, здесь каждый жил в достатке и с радостью делился богатством на благие дела. Монеты переливались в свете огней, касались плеч Селены и Гамилькара, скользили по полу, звенели, как маленькие солнца. Зал сиял, люди радовались, смеялись, поздравляли, и в этот миг казалось, что сам Карфаген, древний и гордый, благословляет новых супругов.

После свадьбы Гамилькар и Селена отправились в свадебное путешествие на новом корабле Карфагенской флотилии, одном из самых первых судов будущей легендарной серии, созданной по замыслам самого Гамилькара.

Для новобрачных подготовили просторную каюту, похожую скорее на опочивальню богов: огромная кровать с белыми прозрачными балдахинами мягко колыбалась от лёгкого морского ветра; тонкие шелковистые простыни небесно-голубого цвета поблёскивали в утреннем свете, словно поверхность спокойного моря. На круглом мраморном столе с позолоченными ножками стояла хрустальная ваза, доверху наполненная экзотическими фруктами, такими сладкими, что они могли бы стать даром самой Иштар. В серебряных кубках блесло густое вино тёмно-красного цвета. Кювета была украшена большими и маленькими фарфоровыми вазами; в каждой стояли свежесрезанные благоухающие, яркие и чарующие цветы. Откуда они появлялись каждое утро, никто точно не знал: матросы улыбались, переглядывались, но в ответ на вопросы только пожимали плечами. Казалось, море само приносило их в дар молодожёнам.

Гамилькар не любил роскошь; в жизни он предпочитал простоту и сдержанность во всем - в еде, в одежде, в быту. Но ради Селены он приказал оснастить корабль всем лучшим, что мог предложить Карфаген. И даже больше, он хотел, чтобы их путешествие стало началом новой, светлой жизни. Повар, сопровождавший их, был лучшим из лучших, легендарный Артемий. Огромный, розовощёкий, с белоснежной улыбкой и усами, похожими на живые крылья, он являлся в каюту, едва слышно постучав, и с почти магической ловкостью расставлял блюда. Казалось, что он не подаёт еду, а творит заклинания. Из своих широких рукавов он извлекал маленькие глиняные соусники и, обильно поливая блюда приправами, приговаривал:

Мой генерал, кто вкушает мои блюда - у того рождаются сильные воины! Истину говорю: сыновья рождаются. Да! Спросите у любого, кто ел мои яства - у всех мальчишки. Мы с моим батюшкой много лет служили на кухне Магонидов. Посмотрите, сколько сыновей родилось у Малха!

Селена улыбалась, она знала Артемия с детства. Его семья долгие годы служила Магонидам и была почти частью их рода. Его блюда действительно были знамениты на весь Карфаген. Недаром самые богатые сенаторы стремились попасть в дом Малха хоть раз, чтобы попробовать его ужин.

Ваш повар - настоящий кудесник, - говорили они. - Мы нигде не пробовали ничего подобного! Эти соусы, будто созданные из дыхания южных ветров!

Многие пытались выкупить Артемия, предлагали золотые горы, но он неизменно отвечал своим мягким, но твёрдым голосом:

От добра добра не ищут! Где хорошо, там и остаюсь. Мой отец был предан Магонидам, и я тоже. Люблю их как родных. Это наша стряпня продлила их род - столько сыновей родилось! А какие красавцы, какие воины! Истинные защитники Карфагена!

Иногда, после нескольких кубков вина, у себя на кухне, раздумывая и потирая усы, он склонялся над своими глиняными горшками и шептал:

Это мои сыночки... мои сыночки, что родились из моих горшочков...

И хитро поглядывал на них, будто они хранили внутри какую-то тайну.

Он свято верил, что его блюда впитывают его мысли и намерения, и поэтому тем, кто вкушает его стряпню, судьба дарует сыновей.

Как часть приданного Малх Магонид передал любимого шеф-повара своей единственной драгоценной дочери.

Это не просто повар, Селена, - говорил он, вручая ей Артемия, будто передавал живое семейное сокровище. - Это волшебник! Благодаря ему твой муж сможет устраивать пиры и умащивать даже самых злостных своих врагов в сенате. А блюда нашего Артемия творят чудеса.

Заметив укоризненный взгляд дочери, Малх поспешил добавить, смеясь:

Ну и, конечно, дипломатические способности твоего великого супруга помогут ему уговорить даже самого упрямого демона пойти за ним в любое пекло!

Он прижал Селену к себе, и его громогласный смех раскатился по всему замку, словно дал знак богам о том, что дочь отправляется в новую жизнь.

На своём новом быстроходном корабле молодожёны отправились сначала на Сицилию, поклониться статуе Геракла и попросить у неба силы и благословения для будущих детей. Когда они сошли на берег, Гамилькар и Селена были потрясены тем, как радушно были встречены. Островитяне, словно заранее предупреждённые богами, осыпали их цветами и золотом. Пели, танцевали, приветствовали как царя и царицу. В этом было что-то магическое: будто Сицилия узнала в молодожёнах особых гостей судьбы.

Их привели во дворец, настоящий рай среди морских скал. Он утопал в садах, где росли экзотические плоды, источая сладкий аромат. Войдя внутрь, молодожёны словно окунулись в иное измерение: прохлада и чистота воздуха разительно отличались от влажного морского жара.

Стены и окна были расписаны греческими мастерами, изображавшими двенадцать подвигов Геракла. В центре залы бил ледяной источник. Вокруг него был сооружён фонтан, в котором стояла мощная, внушительная, будто живая статуя Посейдона.

Селена подошла ближе и заглянула в прозрачную глубину. Нижняя часть статуи уходила куда-то под землю, скрываясь в бездонной темноте. Казалось, вода не имела дна, а от её поверхности поднимался прохладный ветерок, наполняющий весь дворец свежестью и ароматом горных трав.

Это невероятное место... - прошептала Селена. - Как я счастлива быть здесь.

Она обняла мужа, и Гамилькар, обычно сдержанный, улыбнулся и поцеловал её в висок.

Я рад, что тебе нравится. Мы пробудем здесь несколько дней. Завтра придут местные жрецы. Они проведут нас к скале Геракла, где совершают обряд, чтобы у супругов рождались сильные и умные сыновья, наделённые силой острова.

Он усмехнулся, вспоминая слова Малха:

Хоть я и не слишком верю в эти ритуалы, но твой отец утверждает, что после посещения этой скалы у него родились семеро сыновей, как на подбор богатырей.

Но я ведь родилась девочкой, - мягко возразила Селена.

Магониды родили тебя для меня, - тихо ответил он и поцеловал жену.

Гамилькар легко поднял Селену на руки и понёс по мраморной лестнице в их покои. Там их ждала огромная постель, устланная шелковистыми простынями и усыпанная лепестками роз. Над ней качались лёгкие белые балдахины, словно облака, пойманные в воздухе.

Гамилькар был умен, опытен, строг в науках и войне; он знал стратегию, философию, звёзды, литературу. Но в делах любви он был почти ребёнком, вся его жизнь до этого посвящалась силе и знаниям, а не утехам сердца.

Селена почувствовала его скованность. Она тихо, нежно обвила руками его шею и поцеловала. Её прикосновения были такими мягкими, что Гамилькар ощутил, как внутри него растворяются напряжения прежних лет. Она сняла с него одежду осторожными, почти священными движениями. Потом так же легко сбросила с себя тунику и сандалии.

В центре покоев стояла огромная ванна в виде раковины из розового мрамора. Тёплая вода была наполнена, с розовым маслом и лепестками роз. Селена взяла мужа за руку и повела в ванну. Она любовно омыла его тело, и Гамилькар, привыкший командовать армиями, вдруг стал тихим, расслабленным, почти заипнотизированным её нежностью. Когда Селена вышла из воды, абсолютно нагая, покачивая бёдрами, а капли катились по её телу, словно росинки по лепестку, в груди Гамилькара вспыхнуло яркое пламя. Он шумно поднялся из воды и, ведомый неожиданной сильной, первозданной страстью, бросился к жене. Эта ночь стала для них первой настоящей ночью любви. Они не сомкнули глаз до рассвета, снова и снова находя друг друга, будто два пламени, призванные соединиться судьбой.

ОБРЯД ЖЕРТВОПРИНОШЕНИЯ

На следующий день у дверей дворца уже стояли жрецы, готовые провести священный обряд, благословляющий новобрачных на рождение крепких, здоровых детей.

Гамилькар и Селена вышли навстречу утру, с сияющими лицами и влюблёнными глазами. Они будто ещё не до конца вернулись из ночи, где двое становятся единым существом.

Несмотря на жаркий, плотный воздух Сицилии, прислуга приготовила особые тонкие, струящиеся плащи, с холодящей тканью, которая обнимала тело и дарила прохладу. Молодожёны накинули капюшоны, взяли за руки и подошли к группе жрецов, стоящих с почти-тительно склонёнными головами. Жрецы были укутаны в такие же плащи, но их ткань была землистых, коричнево-бурых оттенков, словно они были не людьми, а частями островной почвы. А вот плащи Гамилькара и Селены сияли небесно-голубым и серебристым оттенками, отчего молодожёны казались пришедшими с облаков.

Верховный жрец поклонился низко, почти до земли:

Господин, госпожа... всё готово. Богов нельзя заставлять ждать.

Они сели в лёгкую, изящную карету, запряжённую четырьмя прекрасными скакунами. Жрецы тронулись следом, верхом на конях, и процессия направилась к священному храму у подножия Этны. Дорога заняла около часа. Вскоре перед ними открылось тихое, гладкое, как зеркало - озеро. Из его глубины бил природный источник, делая воду целебной и прохладной даже в самый зной.

Сам храм был скрыт от любопытных глаз плотным кольцом диких деревьев и кустарников. Они стояли стеной, словно росли не случайно, а были посланы богами охранять границу

священной земли. Когда карета приблизилась, ворота сами собой медленно распахнулись. Они были сплетены из тростника, переплетены лианами и неведомыми выющимися цветами. Когда зелёная арка раскрылась, десятки птиц вспорхнули вверх, защебетав так звонко, будто приветствовали молодых.

Ах... это невероятно красиво... - выдохнула Селена, глядя на открывшийся внутренний двор храма.

По обе стороны от входа высились мраморные статуи мифических зверей, оскаливших пасть, охранники, призванные не пускать зло в мир людей. Карета остановилась у самых дверей храма. Первым легко выскочил Гамилькар, и сразу втянул носом воздух. Что-то в пространстве изменилось. Вибрации стали вязкими, почти живыми. Звуки то удалялись, то становились слишком громкими. Тело вдруг стало тяжёлым, будто стало не его. Он пошатнулся. Один из жрецов успел подхватить его под руку. Селена, выходя, тоже почувствовала, как закружилась голова, как исчезла привычная опора под ногами. Они медленно поднялись по широким каменным ступеням и вошли в храм. В центре огромного зала стояла большая чаша из розового мрамора, в которой пылал огонь. Он был ровным, но свет от него был неестественно ярким. За костровой чашей возвышалась величественная, почти живая статуя Зевса. Трон Громовержца был высечен в виде облаков. Накидка, венец, скипетр и маленькая Ника на ладони Зевса, всё было покрыто золотом. Львы у подножия трона будто дышали. Глаза Зевса сверкали так, что казалось, в них действительно пробегают молнии.

Гамилькар и Селена невольно замедлили шаги. Божественный свет отражался в их глазах, заставляя сердца биться чаще. С молодожёнов сняли плащи. Верховный жрец жестом велел им встать на колени перед статуей. Жрецы окружили их полукругом и запели. Храм наполнился многоголосым, древним, нездешним напевом. Верховный жрец осыпал головы молодых смесью сушёных трав и цветов, запах свежего леса заполнил зал, будто сама природа вошла их благословить. Песня не умолкала. Жрец взял огромную буханку ржаного хлеба и разрезал напополам. Половину бросил в огонь, другую разломил и дал вкусить Гамилькару и Селене. Потом наполнил серебряный кубок вином, несколько капель плеснул в огонь, затем дал отпить молодым. Когда хлеб и вино были приняты, жрецы поднялись и сомкнули вокруг молодых плотный круг. Верховный жрец произнёс:

Встаньте. Попросите мысленно. Зевс слышит.

Гамилькар поднял голову, и на миг утратил ощущение реальности.

Зевс... Он смотрел прямо на него и улыбался.

Молнии в глазах бога будто ожили. Перед Гамилькаром проплывали видения: его новые корабли, сверкающие на солнце...

три его сына, стоящие рядом с ним на палубе...

мощь, которой он ещё не владел, но уже ощущал в своих руках...

Он очнулся от лёгкого прикосновения Селены к его ладони. Песнопения стихли, только потрескивание огня заполняло зал.

Гамилькар вдруг понял, от огромного пламени он не чувствует тепла. И словно услышав его немой вопрос, верховный жрец тихо произнёс:

Это не обычный огонь.

Это неугасимое пламя Небес,

подаренное Гефестом.

Процессия жрецов торжественно вывела молодожёнов из храма, осыпая их благоуханиями и живыми цветами. Песни, прославлявшие богов, звучали настолько гармонично, будто

сама земля подпевала им невидимым хором. У входа ждала лёгкая повозка, которую несли смуглые носильщики. Они осторожно усадили в неё Гамилькара и Селену, и, продолжая свои хвалебные песнопения, процессия направилась к озеру позади храма. Когда они приблизились, носильщики опустили повозку на землю, и жрецы мягким жестом пригласили супругов к воде. Озеро было удивительным, цвет его менялся каждое мгновение, переливался серебром, бирюзой, нежно-розовым сиянием. Поверхность пузырилось там, где посреди водоёма бил горячий природный гейзер, наполняя гладь целебной силой. Над водой стелился голубоватый туман, будто озеро дышало. Казалось, оно было живым существом, которое умеет видеть, слышать и понимать людей. Когда Гамилькар и Селена подошли ближе, вода словно затаилась, прислушиваясь к их шагам. Селена первой заговорила своим нежным, как шелест листвы голосом:

Здравствуй, целебное озеро... Прими нас. Очисти наши души и тела. Даруй нам здоровых, мудрых, сильных сыновей...

Она провела ладонями по поверхности воды и вошла в озеро. Следом, не раздеваясь, шагнул Гамилькар.

Жрецы, продолжая пение, осыпали воду цветами, травами, сухоцветами и один за другим вошли вслед за молодожёнами.

Один из священнослужителей помог аккуратно снять с супругов мокрые одежды. Когда песнопения завершились, жрецы бесшумно покинули озеро, оставив новобрачных в одиночестве.

Пусть Боги помогут вам зачать и родить сильного ребёнка, наследника силы Геракла, - произнёс верховный жрец, уходя последним.

Ночь Гамилькар и Селена провели у берега озера, в красивом шатре, который жрецы заранее украсили ароматными ветвями и цветами. Утром им подали завтрак: спелые фрукты, сладкие ягоды, прохладные морсы в серебряных кубках.

Селена с удовольствием ела, и Гамилькар, наблюдая за ней, ловил себя на неожиданной мысли: Малх Магонид был прав. И обряд, и весь остров, всё происходящее было необычайно чистым, светлым, как будто освящённым самими Небесами. Он почти наверняка знал: ночью, в тишине у воды, в Селене зародилась новая жизнь. Селена, будто уловив его мысль, улыбнулась и сказала:

Сначала я боялась этого обряда. Слово «жертвоприношение» всегда внушало мне благоговейный ужас... Мне даже почудилось, что жрец, вынув нож, вот-вот вонзит его в кого-то, - она засмеялась тихо, обняв мужа за плечи.

Да... я сам ненавижу ненужные жертвы. Кровопролитие - не тот путь, которым нужно угождать богам, - ответил Гамилькар. - Я заранее расспросил твоего отца. Хотя я и воин, я не переношу вида крови, никакой, ни человеческой, ни звериной...

Он оглядел озеро, горы, туман.

Мне нравится это место, нравится этот остров. Я полюбил Сицилию, мы построим здесь город, такой же прекрасный, как Карфаген. Привезём зодчих, мастеров, сделаем этот остров самым красивым и развитым на земле. Один из наших сыновей станет его правителем, а сикулы будут его верными подданными.

Селена слушала его, слегка наклонив голову, и её глаза сияли:

Этот остров... он тоже словно знает меня. Особенно храм и жрецы. Я хотела бы вернуться сюда ещё. В это озеро.

Она задумчиво коснулась воды ладонью.

Мне часто снятся Боги. Они приходят, говорят со мной... А здесь я чувствую их постоянно, будто они ходят рядом. Информация словно сама открывается. Вот смотрю на цветок, и знаю всё о нём, о его силе. Вижу траву, и сразу понимаю, какие болезни она лечит... Как будто внутри меня открывается какая-то древняя книга.

Так ты у меня ещё и колдунья, как я погляжу! - засмеявшись, Гамилькар подхватил Селену на руки и легко закружил в воздухе.

Ой... опусти меня, голова закружилась... и будто подступила тошнота, - тихо попросила Селена, положив ладонь ему на плечо.

Он бережно поставил её на землю, всё ещё удерживая за талию.

Всё хорошо, моя любимая, - мягко сказал он. - В тебе зародилась новая жизнь. К нам скоро придёт наш сын. А потом... и другие дети.

Селена улыбнулась лукаво, чуть приподняв бровь:

Неужели ты сам стал жрецом и всё уже знаешь?

Конечно, - с притворной серьёзностью произнёс Гамилькар.

Мой нос чувствует такие вещи лучше любого прорицателя. Сын. Несомненно сын, - покачивая её на руках, поцеловал кончик её носа.

После посещения острова они поспешили вернуться в Карфаген: постоянная тошнота, морская качка, всё говорило о том, что дальнейшее путешествие по морю будет для Селены тяжёлым. Да и Гамилькар явно начал скучать по своей работе.

Он бесконечно думал о кораблях - как там строительство?

Достаточно ли прочен новый таран? Подошёл ли привезённый сплав?

Ночами он выходил на палубу, глядел в морскую тьму и часами обдумывал мельчайшие детали. Ветер трепал его волосы, прибой тихо бился о борта судна, а в голове одна за другой рождались новые конструкции. Под утро он снова садился за пергаменты. Рука быстро, уверенно и точно выводила линии будущих кораблей. Он продумывал всё: от устройства палубы до особенностей оснастки. Но главным оружием нового флота был таран - тяжёлый металлический нос, который должен был разрезать корабль противника, как раскалённый нож разрезает воск.

Селена наблюдала за ним с нежным недоумением.

Любимый... ты вообще спишь когда-нибудь? - спросила она, когда он утром вновь вернулся к чертежам.

Гамилькар мягко, почти мальчишески улыбнулся, так что в его суровом лице проступила необычная теплоту.

В военной школе нас приучили мало спать. Три часа, более чем достаточно. Я могу уснуть где угодно... на земле, в седле, в воде... или на тебе, - добавил он, скользнув к ней в постель, и Селена тихо рассмеялась.

ГЛАВА 3. СОЗДАНИЕ НОВОЙ ФЛОТИЛИИ

Семейная жизнь Гамилькара и Селены складывалась удивительно гармонично, так спокойно и естественно, будто сама богиня Гера благословила их дом. Селена умела быть рядом и при этом не мешать его бурному уму. Пока он сутками склонялся над чертежами, забывая о еде и времени, она ходила по покоям почти неслышно. Лёгкий шелест, прикосновение пальцев к его плечу, нежный голос выдавали ее присутствие рядом. Гамилькар ловил её мудрый взгляд и чувствовал, как напряжение спадало. Селена была его тихой гаванью, его тенью и светом одновременно.

Наконец, идеальная модель нового военного судна была готова.

Не просто готова - выношена долгими ночами, будто ребёнок, рождённый из стали, линий и вдохновения. И началась массовая постройка первой в истории Карфагена скоростной боевой флотилии. Эти корабли, лёгкие и стремительные, должны были изменить историю Карфагена. Новая эпоха вставала на пороге города, который когда-то построила на узком клочке земли царица Дидона, бежавшая от безумного брата.

Гамилькар часто вспоминал рассказы отца о тёмных временах, когда над Карфагеном нависали проклятия и беды.

- Пусть Боги всегда помогают нам... - тихо шепнул он, глядя, как над верфями поднимается утренний дым.

Он дал своим кораблям имя, которое давно жило в его сердце:

КВИНКВИРЕМЫ «БАРКА» - МОЛНИЯ.

В этом названии была вся его сущность: скорость, непредсказуемость и решительность, его действия невозможно предугадать. Так в бою вёл себя он сам, лёгкий, словно ветер, и смертельно точный. И так же должны были вести себя и его корабли: стремительно атаковать, резать врага тяжёлым металлическим тараном и растворяться в волнах, оставляя за собой панику и обломки.

Воины видели в нём почти сверхчеловека, и старались стать похожими на него. Армия обожала его, солдаты боготворили, а командиры повторяли за ним, и старались походить на Гамилькара.

Проснувшись ранним утром, он выпил свой привычный теплый пахнувший травами отвар. Селена собирала эти их сама, по древним законам своего рода. Иногда Гамилькар шутил, что она - колдунья, потому что после её напитков мысли становились острыми, словно наточенное лезвие, а тело наполнялось необыкновенной силой.

Он любил эти редкие тихие минуты рядом с ней. В них было то, чего не мог дать ему ни военный лагерь, ни бесконечные проекты - это покой. В тот вечер они были приглашены к тестю, Малху Магониду.

Гамилькар чувствовал, как под ложечкой гуляет лёгкое, почти боевое волнение. Встреча была важной, почти судьбоносной.

Ему предстояло обсудить с Малхом, а значит, и с сенатом, возможность выделения огромной суммы золота из государственной казны. Нужно было построить триста военных кораблей, именно столько требовала его стратегия. Но это было лишь половиной дела. Вторым вопросом стояло то, что Гамилькар считал решающим: развитие новых рудников и добыча редких полезных сплавов. Он мечтал создать металл, который не будет ржаветь и сможет выдерживать любой удар. Нужно создать сплав из которого можно отлить титанический, неуязвимый,

разрывающий врага пополам - нос корабля. И он знал: если сенат даст ему добро, Карфаген станет неприступным морским гигантом. Если же нет, то враги когда-нибудь обязательно захотят завладеть их прекрасным городом. Гамилькар чувствовал, время движется быстрее. А будущее уже дышит в затылок.

Гасдрубал Красивый давно пытался переубедить Гамилькара.

Он морщил лоб, приподнимал идеальную бровь и с привычной ехидцей повторял одно и то же:

Не бывает такого сплава. Это сказки кузнецов. Золото не ржавеет - да. Но золото мягкое, ты же знаешь.

Но Гамилькар лишь усмехался ему в ответ:

Есть металл, который выдержит море. Я найду его, и сплавлю так, как ещё никто не делал. Нос корабля должен быть вечным, Гасдрубал. Нерушимым. Таран должен разрезать врага, как нож режет ткань. И именно поэтому мне нужна поддержка Магонидов. Сенат должен дать мне золото.

Гасдрубал только отмахнулся:

Твой тесть... твой тесть - это половина сената. Хватит ли ему терпения выслушивать твои идеи?

Но Гамилькар лишь уверенно посмотрел на него:

Я стал частью их семьи. А род Магонидов привык добиваться желаемого.

Главой сената был дядя Гамилькара - Эмилий Барка.

Сенаторы Карфагена владели несметными сокровищами: землями, торговыми судами, виноградниками, рудниками. Магониды многочисленная, древняя и влиятельная династия, представители их рода составляли почти половину парламента города.

Теперь, когда они породнились с Баркидами, Гамилькар впервые чувствовал, что его замыслы могут стать реальностью.

Но чем ближе было заседание, тем сильнее он ощущал, что-то важное вот-вот должно случиться. Он втянул воздух своим длинным, чуть горбатым носом, привычное движение, которое знали все близкие.

- Жду, - коротко бросил он Селене и, словно молния, слетел по лестнице, сел в карету. Селена поспешила за ним.

Она была на седьмом месяце беременности, но всё ещё выглядела утончённой и лёгкой. Голубая туника, расшитая серебром, мягко скрывала округлившийся живот, а походка стала более плавной и осторожной. Рядом шла её кормилица Айша, женщина с морщинами-паутинки у глаз и любящим сердцем.

Благодарю тебя, Айша, дальше я сама, - мягко освободив руку, сказала Селена.

Ох, сама, сама... всегда сама! - всплеснула руками старушка. - Посмотри на себя, ты же родишь вот-вот!

Не «вот-вот», а через два месяца, улыбнулась Селена. - Так сказали Боги.

Боги, Боги... - ворчливо буркнула Айша. - А твоя Айша говорит: скоро! Слушай свою старую кормилицу!

Карета, подаренная Эмилием, была великолепна, высокая, сверкающая, созданная лучшими мастерами Карфагена.

Она напоминала передвижной трон на стальных пружинах, мягкий ход, дорогие породы дерева, резные узоры, золото, рубины.

Селена, приподнявшись с помощью двух слуг, поднялась внутрь.

Гамилькар сидел, утонул в бордовых бархатных подушках.

На его коленях лежала папка с чертежами, он держал её так, будто это был живой новорожденный. Лицо сосредоточенное, почти отстранённое, взгляд устремлён куда-то внутрь себя.

Он даже не сразу заметил, что Селена уже рядом. Её дыхание, мягкое и тёплое, будто вернуло его в реальность.

О, какая красота! - Селена медленно провела ладонью по мягкой бархатной обивке, оглядывая карету сияющими глазами. - И какая же она удобная... Я совсем не чувствую дороги!

Это из-за пружин под колёсами, - тут же переключился на неё Гамилькар. - Они делают ход мягким, амортизируют даже на камнях.

Он говорил спокойно, чуть мягче, чем с кем бы то ни было.

Рядом с женой он будто вспоминал, что может быть обычным человеком, внимательным, обходительным и тёплым. Её присутствие возвращало его из мира схем, чертежей и стратегий в ту тихую человеческую реальность, где можно быть просто самим собой. А главное - она носила его первенца.

«Скоро я стану отцом», - промелькнуло в его голове, и внутри что-то странно сжалось. Он почувствовал новую ответственность.

Какое наследие я оставлю своим детям?

Смогут ли они гордиться своим отцом?

Каким будет Карфаген через сто лет? Через двести?

Он видел перед собой сильную, защищённую, непоколебимую будущую империю. Город, который станет легендой, стоящей веками, как мраморные пьедесталы Богов.

Карфаген уже процветал, золото, серебро, земледелие, торговля, лучшая армия Средиземноморья. Но он хотел большего. Хотел того, о чём, возможно, мечтала сама первая царица Дидона, ступив на этот клочок земли: не просто город, а город - мечту.

«Сплавы... метал...»

Мысль вырвалась шёпотом. Он и сам этого не заметил.

«Вот ещё о чём хочу говорить с Магонидами. У дяди появился новый рудник. Там добывают руду, где хром смешивается с железом и углеродом... получается необычный сплав. Может, то самое, что нужно для тарана?...»

Ты что-то сказал, мой возлюбленный? - коснулась его плеча Селена, мягко, почти неведомо.

Он встрепенулся, будто вернулся из другой вселенной.

Да. У меня много вопросов к твоему отцу. И несколько предложений. Мне нужно обсудить их с ним спокойно, в кругу семьи.

Дядя Эмилий ведь тоже приглашён? - уточнила она.

Да. И это лучший момент, который только можно было бы придумать.

Всё будет складываться чудесным образом, - проговорила она. - В воскресенье я весь день молилась Богам, чтобы они помогли тебе во всём. Были принесены жертвы в центральном храме Зевса. Три сундука с золотом, как ты велел, - всё отнесено.

Она произнесла это просто, но в её голосе звучало что-то древнее, будто эхо храмового купола. И Гамилькар, сам того не желая, вдруг почувствовал лёгкий холодок по спине, предчувствие, что силы Небес действительно вмешиваются в его судьбу.

Карета, запряжённая четырьмя великолепными лошадьми, мягко покачивалась, будто несла не людей, а благие вести.

Разговор увлёк супругов настолько, что они не заметили, как оказались у ворот дворца Магонидов.

Не скучаешь по своему родному дому? - с лёгкой улыбкой спросил Гамилькар, подавая Селене руку.

Мой родной дом там, где живёшь ты, - мягко ответила она, распахнув свои роскошные ресницы, и ласково обхватила мужа за талию. Её глаза блеснули озорным светом.

Воркуете, голубки? - раздался знакомый бархатный голос.

С подъехавшей двуколки ловко спрыгнул Эмилий Барка. Он расправил плащ, поправил меч с золотой рукоятью, усыпанной алмазами, и довольно улыбнулся. Эмилий, как и все Баркиды, был красив, широкоплеч и статен. Он вырос в той же суровой школе воинов, что и потом его племянник: в длинных казармах, тянущихся вдоль всей крепостной стены Карфагена. Там мальчиков с шести лет учили не только владеть оружием, но и читать, писать, говорить на нескольких языках, изучать звёзды, философию, оккультные науки. И если большинство курсантов получали лишь основы, то семьи Баркидов и Магонидов имели особые привилегии - лучших греческих наставников, закрытые курсы и доступ к тайным знаниям.

Эмилий первым взбежал по мраморным ступеням к массивной лестнице дворца своих новых родичей. Гамилькар последовал за ним, легко бережно неся Селену на руках, как драгоценность.

Когда они приблизились к входу, огромные деревянные двери начали раскрываться. Это двери были произведением искусства, на них искусно вырезаны павлины с распущенными хвостами. Их перья были выложены драгоценными камешками, и при солнечных бликах казалось, что павлины едва заметно моргают. Снизу, у основания лестницы, хвосты были закрыты. Но стоило подняться выше, и перед глазами гостей раскрывались величественные, переливающиеся всеми красками хвост птиц.

Селена, зачарованная, смотрела на двери своего родового гнезда, затем, легким движением провела ладонью по голове мозаичной птицы, и в этот, как будто материализовавшийся из воздуха, перед ними появился хозяин дворца. Малх Магонид стоял на пороге, выпрямившись, словно его окликнули с Неба. Его лицо озарила широкая радостная улыбка, и он шагнул вперёд, раскрывая объятия для дорогих гостей.

В его присутствии чувствовалась сила рода, власть, уверенность и искренняя радость, которой одаривают только самых желанных людей.

Когда родилась Селена, - громогласно произнёс Малх, - я приказал выгравировать этих райских птиц на входной двери. Из разных концов света торговцы везли мне драгоценные камни, чтобы лучшие ювелиры создали такой шедевр. Пусть все видят, сказал я тогда своей семье, что Олимп одарил нас божественным даром - моей Селеной.

Малх провёл широкой ладонью по изображению павлинов.

Посмотрите на этих птиц: одна - моя дочь, вторая - её пара. Теперь у моей прекрасной девы есть достойный супруг! Входи же, мой драгоценный, достойнейший из мужей - Гамилькар Барка! Входи, мой друг - Эмилий Барка! Входи, моя дочь - Селена Барка! И ты - наш будущий внук Баркид!

Он раскинул руки с такой гордостью и внутренней силой, что казалось, сам Зевс услышит его слова в вышине.

Малх был самым красноречивым и влиятельным оратором в палате сената. Его зычный голос мог перекрыть любые дебаты, а если требовалось, и заставить замолчать самых буйных спорщиков. Некоторые сенаторы побаивались его: фигура Малха, мощная и строгая, возвышалась в зале заседаний как неприступная гора.

С Эмилием Барка они подружились ещё в юности в военной школе. Затем много лет шли рядом в военных походах, расширяя границы Карфагена, присоединяя всё новые финикийские племена.

На захваченных землях открывались золотые, серебряные и рудные прииски, которые делили между собой великие семьи Баркидов, Магонидов и несколько других влиятельных родов. Они сами чеканили золотые, серебряные и медные монеты, и казна города всегда была полной до краёв. Все сыновья Малха вместе с жёнами и детьми жили в огромном дворце своего отца. Парадная, где встречали гостей, располагалась в центральной круглой башне с величественной мраморной лестницей. Лестница поднималась в верхнюю парадную залу, где уже были накрыты столы для почётных гостей. Освещение поражало роскошью и изяществом:

на потолке висели огромные золотые люстры, каждая - целое произведение искусства. Хрустальные подвески преломляли дневной свет, стекающий из огромных панорамных окон, и казалось, что потолка нет вовсе. Стоило поднять голову, и перед глазами открывалось сияющее «небо» хрусталя и золота.

Стенами служили высокие стеклянные пролёты, от пола до самого верха башни. Из-за этого создавалось ощущение, будто дворец Магонидов прозрачный, залитый солнцем и дыханием лёгкого морского ветра. Солнечные блики играли на стекле, отражаясь десятками искр, и казалось, что гости находятся не на земле, а где-то в поднебесье.

Неужели эти окна сделаны из хрусталя? - тихо спросил Гамилькар у Селены, оглядывая дворец тестя, будто не веря собственным глазам.

Огромные, тяжёлые, будто сотканые из света окна вздымались от пола до самого купола башни. Стеклянные плиты были выложены мозаикой: каждую удерживали небольшие квадратные золотые рамки, так тонко собранные, что даже мастера Карфагена удивились бы такой сложной работе. Но больше всего поражало иное. В самом хрустале, в глубине золота, были выгравированы прозрачные образы Богов Олимпа. Когда солнце поднималось над морем и протягивало лучи в зал, фигуры богов начинали «оживать»:

их тени медленно скользили по стенам, то вспыхивая ярче, то растворяясь в полумраке. И вот сейчас, на закате, розовые блики волнами расплывались по залу, и казалось, что сами обитатели Олимпа тихо проходят мимо гостей, наблюдая за ними из другого мира.

Пока Малх и Эмилий обменивались дружескими объятиями, Гамилькар не мог оторвать взгляд от сияющих изображений.

Вот Зевс - величественный, сдержанный, держащий скипетр власти.

Рядом Посейдон - властелин морей - будто мчится на гребне волны, готовый обрушить океан на любого дерзнувшего.

Гера, покровительница семей, восседает на небесном троне - спокойная, строгая, исполненная достоинства.

А вокруг них, в солнечных отражениях, возникали и исчезали другие божества, словно кружили по стенам дворца в ритуальном танце света. Гамилькар задержал взгляд на Зевсе. Внутри него что то странно кольнуло, смесь благоговения и вызова.

Он медленно втянул воздух и, не произнося ни слова, обратился к Небесам так искренне, как редко позволял себе даже на войне:

«Ваша помощь нужна мне сейчас.

Дайте мне силу и ясность ума.

Я хочу построить флот, которого ещё не видел мир - быстрый, стремительный, как молния.

Пусть мои корабли возникают перед врагами так же внезапно, как появляются на стенах вашего дворца эти блики...

Пусть никто не посмеет встать против Карфагена».

Он опустил взгляд.

Сердце билось чуть быстрее обычного, чуткая Селена, стоявшая рядом, услышала это без единого слова.

Все семь сыновей Малха выстроились в торжественный ряд. Их шумные, взволнованные, приосаненные жены и дети стояли позади, будто встречали не просто родственников, а целую царскую процессию. Братья любили Селену особенной любовью, старшие сдержанно, словно охраняли её с самого рождения, младшие - открыто и радостно. Каждый по очереди обнял сестру, осторожно коснувшись её округлившегося живота, и тихо расспрашивал о самочувствии. Они стояли вокруг неё плотным кольцом, будто хотели убедиться, что с ней всё хорошо. Когда очередь дошла до приветствия Эмилия и Гамилькара, мужчины выпрямились и смолкли, почти машинально, так ведут себя воины перед командиром. Но в глазах их не было натянутости: один только живой, искренний интерес. Им всем уже давно нащёптывали слуги и торговцы, что Гамилькар создаёт новую флотилию, корабли иной эпохи, быстрые, опасные, похожие на молнию. До сегодняшнего вечера эти слухи оставались для них чем-то недостижимым, почти легендой. А теперь вот - сам зять стоит перед ними живой, настоящий. И пусть он ни словом ещё не обмолвился о своих планах, братья чувствовали: сегодня что-то откроется. Тяжесть прекрасной тайны витала в воздухе. Когда подошёл самый младший, Гамилькар на миг задержал на нём взгляд. В его глазах мелькнуло лёгкое удивление: если бы не мощное телосложение брата, он словно смотрел на Селену в мужском обличье.

Агапий и правда был почти её отражением: те же большие миндалевидные глаза, такие же мягко очерченные губы, тот же светлый оттенок волос. Близнецы. Редкий дар Богов и такая же редкая боль для отца, слишком рано отнявшего у него обеих жён.

Две жены Малха ушли почти так же внезапно, как и пришли в его жизнь. Первая умерла при родах шестого сына, истекая кровью в ту ночь, когда весь дом Магонидов дрожал от криков и тревожного топота лекарей. Вторая - мать Агапия и Селены, угасла медленно и мучительно, после укуса странного насекомого в глубине Африки. Болезнь пожирала её день за днём, и даже лучшие лекари Карфагена были бессильны. Сыновья, ещё вчера мальчишки, неожиданно выросли: сплотились вокруг друг друга и отца, как ладья, сомкнувшая щиты. Они жили одной болью - заботой об отце, чтобы Малх не сломался и заботой о близнецах.

Малх не сломался, но стал другим, теперь он редко спал, работая до изнеможения. Иногда вдруг собирал своих сыновей, поднимал их на борт корабля и брал курс в пустоту, туда, куда позовет море. Иногда, стоя у штурвала, он кричал в бурю, перекрикивая гром:

Я люблю штормы! Когда небо ревет и молния рвет тьму, я разговариваю с Посейдоном! А штиль... штиль меня усыпляет. Тоскливо. Поворачивай! Домой!

И старший сын, привыкший слушаться с одного взгляда, поворачивал судно к берегу.

Сегодня Малх выглядел радостным, собранным и помолодевшим. Он принимал своих гостей как человек, который снова чувствует смысл жизни, потому что его дети, его дом, его род продолжаются.

Сыновья Магонидов во многом пошли в отца, такие же широкоплечие, могучие, будто высеченные из одного и того же скального массива. Если смотреть издали, их фигуры и походка почти не различались, но стоило подойти ближе и приглядеться: лица у них были совершенно разные. У одного - суровые, резкие линии скул, у другого - мягкая, почти добродушная округлость подбородка; третий и вовсе напоминал статую молодого греческого героя. Но всех объединяло одно - военная выправка и достоинство, которым их учили с младенчества.

Малх сам делал из сыновей воинов: строгих, внимательных к слову, умеющих держаться так, будто за ними стоит весь Карфаген. Он привозил лучших учителей из Греции, Сицилии, Финикии - мастеров тактики, философии, дипломатии. И всё это вжилось в его наследников так глубоко, что даже их молчание выглядело воспитанным и значительным. Магониды были прилежными курсантами военной школы Карфагена. Они знали легенды о молодом гениальном Гамилькаре ещё до того, как он вошёл в их семью, знали его манеру сражаться, его победы, его удивительную способность выходить невредимым из самых отчаянных битв. И теперь они гордились тем, что он стал их зятем. Но больше всего радовало братьев то, что их единственная, драгоценная сестра находится под защитой самого сильного и блестящего Баркида Карфагена.

Когда все расселись за длинным трапезным столом, в зале разлилось мягкое, золотистое свечение от множества хрустальных светильников. Стол был накрыт с роскошью, которой Малх никогда не стеснялся: фарфор, тонкий хрусталь, тяжёлые золотые и серебряные блюда, всё сияло, играя бликами на стенах и в глазах гостей. Появились отточенные в своих движениях слуги, словно танцоры, и поставили перед каждым запечённую рыбу. Она была приготовлена с каким-то волшебным соусом, аромат которого сразу наполнил зал свежестью моря и лёгкой дымкой трав. Затем принесли морские гребешки - нежные, почти тающие, с тонко нашинкованными зелёными водорослями, приправленные оливковым маслом и специями, рецепт которых знала лишь кухня Магонидов. Малх был известным гурманом и любителем морепродуктов. Он умел выбирать и рыбу, и специи, и слуг, и поваров, с большой скрупулезностью и внимательностью к мелочам. Напитки подали из собственной винодельни Магонидов, расположенной на финикийских землях, некогда присоединённых Карфагеном. Тонкое, чуть терпкое вино раскрылось в кубках мягким ароматом смолы и спелых фруктов. Даже Эмилий, тонкий ценитель всего прекрасного, подняв кубок к свету, медленно улыбнулся:

Великолепное вино, - произнёс он, оценивая глубину, прозрачность и аромат напитка. Можно было заметить, как Малх, услышав эту похвалу, довольно вскинул подбородок, он любил, когда его труд и вкус замечали.

Малх, я не устаю удивляться твоему умению выбирать всё самое лучшее, - восхищённо глядя на хрустальный бокал с вкуснейшим вином, сказал Эмилий.

Да, я люблю выбирать всё самое лучшее, ведь и друга себе выбрал самого лучшего - тебя! А теперь мой зять - человек-легенда, Гамилькар Барка! - громогласно произнёс Малх, и шум разговоров за столом затих: все повернулись в сторону Малха и Эмилия. Почувствовав важность этого момента, Гамилькар встал и провозгласил тост за самых прославленных и уважаемых воинов и столпов общества - моего тестя Малха Магониды и моего дядю Эмилия Барку! Звон бокалов заглушил радостные голоса семьи.

За отца!!! За Эмилия!!! - радостно выкрикивали родичи Селены.

Дорогие мои! - зычным голосом произнёс Малх. - А теперь я скажу тост на правах хозяина этого дома и главы семейства: пусть будет благословен тот день, когда мы породнились с моим другом и братом по оружию - Эмилием Барка, и теперь фамилию Баркидов носит моя дочь и мои будущие внуки! Селена - свет моих очей, для тебя я жил все эти последние годы. Теперь, наконец, могу спокойно беседовать на могиле твоей матери, ведь я дал ей клятву

беречь тебя как зеницу ока. Мои сыновья тоже поклялись ей защищать нашу прекрасную нимфу, нашу Селену. А теперь достойный муж, племянник моего друга - Гамилькар - сидит рядом с моей дочерью. Для нашего дома честь быть родичами Гамилькара Барки! За Баркидов - наших гостей, Эмилия и Гамилькара!

За Эмилия и Гамилькара! - вторили отцу все сыновья, их жёны и дети!

После ужина мужчины поднялись в другую гостиную, расположенную в круглой башне. Огромный дворец Магонидов, построенный лучшими зодчими, пережил не одно десятилетие перестроек и дополнений. Когда-то это был небольшой замок, одна высокая башня в четыре этажа. Позднее отец Малха спроектировал для сына правое и левое крыло: тот всё время пропадавал в походах и мало интересовался родовым именем, но род должен был расти и крепнуть. Малх был единственным сыном и наследником рода Магонидов - единственным из мальчиков, кто сумел выжить. В их семье жизнеспособностью обладали девочки, а мальчики редко доживали до двух-трёх лет. Родители Малха были глубоко религиозны и верили, что спасение сына - это милость Зевса. Не было ни одной трапезы без благодарственной молитвы, ни одного вечера без хвалебной песни громовержцу. Так они просили для мальчика защиты и покровительства.

Восемь сестёр Малха, крепкие, здоровые, с мягким характером, с ранних лет становились предметом сватовства знатнейших семей Карфагена. Каждую из них семья щедро одаривала приданым, вводя зятьёв прямо в сенат, так укреплялось влияние рода.

На ужин пришли и сестры Малха со своими мужьями. Мужская гостиная вскоре наполнилась, почти половина сената Карфагена оказалась здесь, под этой крышей.

«Лучшего момента и не придумать», - подумал Гамилькар, собираясь подняться с большого кожаного дивана, занимавшего почти всю комнату. Но его опередил Эмилий. Он поднялся так же, как делал это на заседаниях сената, спокойно, уверенно, вставая на правах принцепса, главы парламента, рядом с ним поднялся и Малх. Такой дуэт был привычен для всех: два мужчины, внешне разные, но одинаково влиятельные. Голос Эмилия - спокойный, ровный, рассудительный. Невысокий рост, широкие плечи, след воина, который отошёл от оружия ради политики. Он стал одарённым государственным деятелем и был выбран принцепсом единогласно. И сейчас, стоя рядом, Эмилий и Малх выглядели так, словно снова собрались вести сенат за собой, только на этот раз собрание происходило в их семейном кругу.

Все Магониды и остальные гости затихли, с интересом повернувшись к стоявшим в центре старейшинам семьи. Малх, подняв руку, громко объявил:

Баркиды наконец поделятся с нами своими планами на ближайшее будущее! А сейчас мой зять покажет нам чертежи своих чудо-кораблей!

Эмилий помог Гамилькару разложить свитки на огромном мраморном столе гостиной дворца Магонидов. Мужчины плотным кольцом окружили стол, с живым интересом изучая проекты, подобных которым никто ещё никогда не видел. Каждый, кто брал чертёж в руки, задавал один и тот же удивлённый вопрос:

Зачем такой нос на корме корабля?

Гамилькар выдержал короткую паузу и, даже не дожидаясь полной тишины, вдохновенно заговорил своим глубоким, зычным голосом, как человек, который наконец может открыть главную тайну своей жизни:

Дорогие родичи, мои соратники... Сегодня я впервые делюсь с вами тем, какими именно будут наши корабли. Они будут быстрыми, маневренными. Они будут двигаться по морю легко и бесшумно, как молния, и бить по противнику мощным носом корабля, изготовленным из секретного, крайне прочного сплава, который не ржавеет в воде. Этот металл не ломается от ударов, но наносит колоссальные разрушения. Он буквально разрезает вражеское судно пополам. Наша флотилия будет появляться мгновенно, таранить корабль врага и исчезать, не всту-

пая в прямой бой. Мы будем со стороны наблюдать, как уходят в пучину моря разрушенные нами суда.

А что это за такой секретный металл? - послышались голоса. - Неужели существует сплав такой прочности и при этом не поддающийся ржавчине?

Мои сталевары, - ответил Гамилькар, - смешали несколько пород руды и вывели особый сплав. Он невероятно крепок и не ржавеет в воде. Из него мы будем отливать нос кораблей. И именно им, этим металлическим лезвием, мы будем таранить противника, как ножом разрезать их суда пополам.

Это невероятно... - восхищённо говорили Магониды, снова и снова рассматривая чертежи.

Малх поднял взгляд на зятя:

Дорогой зять, скажи: что от нас требуется, чтобы поддержать твой проект? Мы сделаем всё необходимое.

Гамилькар не стал смущаться прямоты вопроса:

Мы усиливаем нашу военную мощь на море. А на суше - создадим новую армию.

Новую? - удивился Малх. - Что за войско?

Армию наёмников, - пояснил Гамилькар. - В Карфаген приходят тысячи воинов с финикийских земель, ищущих работу. Вместо карфагенян в пехоте будут служить люди разных народов. Наши офицеры обучат их и будут держать в дисциплине.

Но насколько они преданны? - обеспокоенно спросили несколько старших братьев Селены.

Золото обеспечит их верность, - спокойно сказал Гамилькар. - Золото и наши военачальники.

Кто-то из мужчин недоверчиво покачал головой:

Но кого нам бояться? У нас нет явных врагов...

Ошибаетесь. - Голос Гамилькара стал твёрдым. - Врагов у нас много. Они улыбаются нам, кивают, льстят, но сами завистливо строят планы, как напасть на наш город. Это может подтвердить мой дядя Эмилий. Его шпионская сеть донесла: римляне готовят поход, чтобы захватить Сицилию. Это стратегически важный для нас остров. Потеряем его и потеряем власть во всём Средиземноморье.

Напасть на Сицилию?!.. - встревоженно загудели Магониды. - Римляне строят такие планы?!..

Да, - вступил Эмилий. - И мы будем обсуждать это на ближайшем заседании сената. Но решение нужно готовить уже сейчас. Нам предстоит выделить из казны неограниченное количество золота Гамилькару, для строительства флотилии и создания наёмной армии.

Гул голосов стих. Все повернулись к Гамилькару.

Малх, поднявшись, произнёс громко и торжественно:

Зная Баркидов, что вы слова на ветер не бросаете, мы поддерживаем тебя!

Мы поддерживаем тебя! Мы поддерживаем тебя! - вторили ему все его сыновья и остальные родичи. Гул их голосов наполнил зал, будто сам Зевс услышал это согласие.

ГЛАВА 4. РОЖДЕНИЕ ГАННИБАЛА

В ночь, когда у Селены начались потуги, Гамилькар, как обычно, был в своём военном лагере. Он только что распустил совет инженеров и главных строителей флотилии. Он долго выслушивал каждого, все спорили, предлагали, указывали на недочёты, и многие замечания были действительно весомыми. Удовлетворённо разложив чертежи, он приказал переделать корму кораблей, чтобы сделать их ещё легче, маневреннее. От возбуждения он не мог усидеть на месте: шагал по шатру, потирал ладони, и уже видел, почти физически чувствовал свой быстрый, бесшумный флот, рвущий морскую гладь Средиземноморья.

В этот момент в шатёр, едва дыша, влетел Рик.

Мой генерал!.. - пролепетал он. Его круглые глаза в такие минуты становились ещё больше, так он придавал себе важности, как ему казалось.

Говори, - коротко бросил Гамилькар.

Баркиды прислали донесение... ваша жена рождает. Вам немедленно велено прибыть домой. Приказ от вашего дяди Эмилия. У шатра уже стоит колесница, она должна доставить вас во дворец.

Гамилькар хмыкнул, пристально глядя на юношу:

И чем я могу помочь ей сейчас? Моё присутствие ничего не изменит. Как только узнаешь, что родился сын, тогда и доложишь.

Рик выскочил из шатра пулей. В гарнизоне он тут же приказал писарю отправить ответ Эмилию: Гамилькар приедет, как только ребёнок появится на свет, поскольку занят важными государственными делами.

Когда писарь закончил, Рика вдруг осенила мысль:

А что, если родится дочь? - пробормотал он, почесав затылок. - Я даже не спросил...

Он опять выпучил глаза, но вернуться к генералу не решился: знал, что в эти предрассветные часы Гамилькар любит находится в тишине. Именно в это время он думал, создавал свои идеи, и не терпел вторжения в свой внутренний мир. Но мысли Гамилькара уже были нарушены: он вышел следом за Риком из шатра и поднял взгляд к небу. Наступал рассвет. На мгновение ему показалось, что мир вокруг замер: воздух стал неподвижным, как в ожидании чуда. Небо прорезала огромная комета, она летела стремительно, оставляя за собой сверкающий хвост. А первые лучи восходящего солнца уже тянулись к ней, озаряя небосвод багрово-золотым свечением. Гамилькар застыл, чувствуя, как в груди поднимается что-то похожее на дрожь.

О боги... что вы хотите сказать мне этим знамением? - подняв руки к небу, произнёс он, запрокинув голову.

Комета уходила всё дальше, но её свет ещё долго тянулся по темному небосводу. Вдруг невесть откуда над лагерем возникло тёмное грозное облако. Оно стремительно сгущалось, и вскоре небо прорезали несколько яростных ослепительных молний.

Гамилькар вскинул голову, и в этот миг ему показалось - нет, он был уверен, что слышит голос самого Зевса. Могучий, гулкий, как раскат небесного грома, он заполнил всё пространство:

«Я дарю тебе сына, и наделяю его силой Геракла, умом богини Геры, чарами и обаянием Афродиты.

Он - награда тебе и твоему роду за то, что я некогда покарал карфагенян за проклятие царицы Дидоны.

Мы наблюдали, как вы молились и просили прощения у нас, богов Олимпа.

В награду за испытания твоего народа ты получаешь сына.

Я нарекаю его именем Ганнибал.

Он станет величайшим полководцем мира, его будут помнить в веках.

Он защитит Карфаген, ибо врагов у вашего города - несметно:

люди алчны, порочны и завистливы.

Карфаген - земля священная, и он будет процветать, если карфагеняне сумеют победить собственные пороки,

если научатся быть сплочёнными и преданными своему городу.

Запомни: люди чаще всего вредят себе сами,

когда проявляют гордыню и накликают на себя бедствия.»

Голос затих, но эхо его ещё долго катилось по небу.

От услышанного Гамилькар онемел. Он стоял под хлестким ливнем, застыв с поднятыми к небу руками. Казалось, дождь проходил сквозь него, вымывал из сознания всё лишнее, очищал и наполнял странной новой силой, будто неопалимое небесное пламя коснулось его души.

Он очнулся лишь тогда, когда Рик подбежал к нему и, дрожащими руками, накиннул на него непромокаемый плащ.

Мой генерал, с вами всё в порядке? Мой генерал, вы меня слышите? - повторял он, испуганно тараща глаза.

Уйди, - коротко произнёс Гамилькар.

Рик, привыкший к подобным приказам, исчез мгновенно.

Вернувшись в шатер, Гамилькар не спешил переодеваться. Он подошёл к костру, присел на корточки, подбросил несколько сухих веток. Пламя вспыхнуло, разгоняясь, и обдало его лицо жаром. Он долго смотрел в огонь, будто пытался разглядеть там ответ.

«Зевс... я услышал тебя. И благодарю.»

В этот момент он почувствовал, именно почувствовал, что в эту минуту на свет появился его сын. Гамилькар н тихо вздохнул, склоняя голову, и встал на колени перед огнём:

«Благодарю тебя, о Великий из Великих. Я принимаю твой Дар.

Я буду растить и беречь сына, как зеницу ока.»

Потом поднялся, переделся в сухую одежду, позвал Рика и приказал:

Подать самых быстрых лошадей.

Когда двуколка была подана, он запрыгнул в неё сам, даже не ожидая, пока оруженосец займёт своё место. Рик, пытаясь вскочить на ходу, едва удержался, но Гамилькар уже срывался с места. Лошади рванули вперёд, колёса взвихрили пыль. Ворота гарнизона распахнулись перед ним, и он понёсся в сторону своего дворца, туда, где его ждали сын и судьба.

Способность Гамилькара передвигаться быстро и почти бесшумно удивляла всех. Он мог появиться там, где его вовсе не ждали, застав врасплох зазевавшихся караульных на посту, или внезапно нагрянуть своим стремительным кораблём к торговым судам, проверяя их, так же быстро, словно вырос из дымки над водой, он появился в своем родовом дворце Баркидов. Он бесшумно ступил в супружеские покои. Селена спала измученная, но с умиротворённым лицом.

Как вы вовремя, мой господин, - с теплом и благоговением прошептала старая Айша, вынырнув из полумрака комнаты. В её руках лежал крошечный свёрток. Она подала его Гамилькару. - Посмотрите на своего сына, господин... он только появился на свет.

Гамилькар протянул руки и принял сына. Мальчик был ещё в крови и первородной слизи, тёплый, удивительно тяжёлый для своих размеров, будто в нём уже заключалась какая-то особенная сила.

Я сам его вымою, - спокойно сказал Гамилькар.

Держите, мой господин, а я буду поливать, - Айша пододвинула кувшин с тёплой водой.

Она бережно выливали воду на головку ребёнка, тихонько приговаривая:

- Смотрите, какой крепкий и красивый младенец у вас родился...

И тут ребёнок приоткрыл глаза и посмотрел прямо на отца, будто взрослый человек оценивал того, кто держит его на руках.

Гамилькар задержал дыхание.

- Я не видел таких красивых детей... или только свои кажутся самыми лучшими? - воскликнул он, улыбаясь.

Потом, тихо, почти торжественно добавил:

- Да, ты - дар Богов. Я нарекаю тебя именем Ганнибал. Так повелели Небеса.

Он передал малыша Айше, которая уже приготовила мягкие чистые ткани для обтирательного обряда.

Селена проснулась от голосов и инстинктивно протянула руки к ребёнку. Лишь спустя мгновение она заметила мужа.

Гамилькар склонился к ней, поцеловал в лоб:

Дорогая... я благодарю тебя за сына, которого ты подарила мне сегодня.

Любимый... - слабым, но счастливым голосом прошептала Селена. - Я рада, что он родился крепким... таким же сильным, как ты.

Её глаза сияли любовью. - Я чувствую... это необыкновенный ребёнок. На острове, где он был зачат, я получила знамение: у этого мальчика есть судьба, начертанная Богами. Он станет великим воином. Его будут помнить тысячелетиями. Он станет защитником Карфагена... и миротворцем, как ты.

Гамилькар нежно обнял супругу, прижал к себе.

Да, моя любовь. Сегодня и я получил знамение. Я услышал голос Зевса, и понял, какой Дар нам сегодня был послан.

Старая Айша уже несла им сына, завернутого в новое шелковистое синее одеяльце - подарок заботливых тётушек Баркидов, заранее приготовленный к рождению первенца. Селена осторожно приняла ребёнка, положила рядом с собой на постель, развернула бережно запеленованного мальчика... и вдруг воскликнула:

Муж мой, взгляни на нашего сына!

Гамилькар наклонился, внимательно осматривая новорождённого.

Что тебя так удивило, жена?

Селена смущённо взглянула на мужа:

Почему у него такого размера... его мужское естество?

Ах, насмешила! - рассмеялся Гамилькар, искренне, от души. - Большому кораблю — большое плавание! Он ведь - награда Богов, а они, как ты знаешь, щедры. Сильному мужчине дают силу... и соответствующее достоинство!

Селена улыбнулась:

Всё ты сравниваешь со своими кораблями...

Она снова завернула сына в роскошное одеяльце, прижала к себе и приложила к груди.

Я сама буду кормить его своим молоком. Нам не нужна кормилица.

Младенец открыл свои серые глаза и внимательно рассматривал мать. Он не спешил припасть к груди, будто сначала хотел убедиться, что перед ним действительно она. Затем перевёл взгляд на отца.

Гамилькар почувствовал, как по спине побежали мурашки.

Он смотрит на меня так, будто знает, что мы его родители... Его взгляд пронизывает меня насквозь. Его глаза... будто светятся.

Он наклонился и произнёс:

Ты - Дар Богов. Я вижу это. Сегодня я услышал голос Зевса, и он нарёк тебя именем Ганнибал.

Ганнибал... - повторила Селена. - Значит, таково твоё имя. Ганнибал...

Она прошептала его, словно укладывала на сердце ребёнка благословение.

Сегодня я весь день проведу с вами здесь, - сказал Гамилькар. - Но уже завтра нагрянет полгорода: все Баркиды и все Магоныды. Поэтому, утром я тихо уеду в гарнизон. По пути нужно заехать на рудник и посмотреть, готов ли новый сплав, над которым работает Бостор.

Не перестаю удивляться, - улыбнулась Селена, поцеловав мужа в губы, - почему все Барки такие талантливые изобретатели. Самый лучший из них - мой муж.

А самый великий, - она взглянула на сына, - станешь ты, маленький Баркид...

Гамилькар, по своему обыкновению, быстро появляться и так же быстро исчезать, покинул опочивальню и направился в своё крыло дворца. Там располагались просторные комнаты, а главное, кабинет отца, стены которого были полностью заставлены тяжёлыми шкапами с открытыми полками из чёрного мрамора. На них лежала огромная библиотека свитков, привезённых из Греции, Македонии, Финикии и из самых дальних стран. Эту библиотеку собирал Афока Барка.

Афока был страстным поклонником древнегреческих философов, владел несколькими языками, писал научные труды. Большинство свитков на полках написаны им, его рукой. Исследования по астрономии, описания минералов, новые идеи о природе металлов... В последние годы жизни Афока посвятил себя изучению руд и созданию новых сплавов, но завершить свои работы не успел. Трагическая смерть оборвала его исследования.

Но один из Баркидов, средний брат Бостор, подхватил идеи Афока и успешно развил сталелитейное дело, создавая новые сплавы из смесей руд.

Ты мне очень нужен сейчас, дядя Бостор... - бормотал Гамилькар, поднимаясь по лестнице и на ощупь разыскивая нужный свиток.

Феноменальная память, доставшаяся ему от отца, вновь не подвела. Он помнил, как Афока складывал эти записи именно сюда, в эту полку, в эту кожаную трубу... Помнил так ясно, будто это было вчера.

Тогда отец сказал:

Когда-нибудь тебе понадобятся эти формулы. Ты найдёшь их здесь.

Да, отец, - тихо сказал Гамилькар, вытаскивая свиток. - Ты прав. Мне нужны твои знания... и тебя мне очень не хватает.

Он развернул свиток, испещрённый цифрами, формулами и греческими знаками.

Отец, ты истинный учёный... настоящий Баркид, - произнёс он вслух, обращаясь к духу отца.

На письменном столе Афока всё лежало так, как он оставил при жизни. Гамилькар запретил что-либо убирать или менять. Ему казалось, что, садясь здесь за стол, он вступает в разговор со своим отцом, невидимым, но неизменно присутствующим рядом.

Вновь вдохнув знакомый запах бумаги и чернил, он вспомнил детство. Вспомнил мать, хрупкую женщину со светлыми глазами, вечно занятую младшими детьми. Девочки росли болезненными, и мать всё время ухаживала за ними. Во дворце постоянно стоял аромат лечебных трав.

Гамилькар с рождения был крепким, возможно, потому внимание матери часто проходило мимо него. Она замечала его разве что вечерами, за большим дубовым столом, когда исправляла недостатки этикета и требовала держать нож и вилку «как положено сыну Баркидов».

Ты ешь, как пират! Не нужно втыкать нож, им нарезают мясо на кусочки, а вилкой едят. Посмотри, как это делает твой отец.

Афока, услышав слова супруги, только махал рукой и, улыбаясь глазами, отвечал:

Не трать на это время, дорогая. Наш сын не мечтает о карьере политика. Он желает стать воякой. А солдаты могут есть и руками... если после походов у них эти руки ещё останутся!

Он подмигивал ей шутливо, видя, как она возмущённо закатывает глаза.

«Мама... папа... как бы вы порадовались своему внуку», - неожиданно подумал Гамилькар, и грусть накрыла его так глубоко, что он даже не заметил, как по скатилась слеза по обветренной морскими ветрами щеке. Он никогда не позволял себе плакать о родителях.

Только ярость и неутрахающая жажда правды, вспыхивавшая при воспоминании о той роковой ночи, когда карета его родителей была атакована неизвестными, держала его на ногах. Именно эта боль заставляла его укреплять Карфаген и защищать каждого жителя.

Мысль о том, куда и зачем его родители выехали ночью... не давала ему покоя все эти годы. Расследования, попытки узнать правду, разговоры с людьми, которые, казалось бы, что то видели тогда, всё безрезультатно.

Но Гамилькар никогда не смирился.

Я всё равно докопаюсь до истины, отец, - тихо произнёс он. - Я знаю, что ваша смерть не была случайностью. Это было покушение. Но кому ты перешёл дорогу? Тебя любили все. Тебя почитали, как божество. Люди вставали на колени, когда ты проходил... Почему? За что? Что заставило вас выехать ночью? И куда вы направлялись?..

Эти вопросы стояли перед ним стеной, каждый раз, как он думал об Афокле. Даже во сне он видел разбитую карету... кровь... руки родителей, обмякшие в складках ткани.

Хоронили их завернутыми в плотную пропитанную маслами ткань. Маленький Гамилькар не видел их тела, и потому всегда старался удерживать в сердце только образы живых, счастливых, смеющихся родителей.

Первые пять лет его жизни были, как остров маленький, но сияющий остров света и любви родителей. И иногда эти воспоминания всплывали неожиданно, стоило лишь уловить знакомый запах трав, которым мать поила больных сестёр, или аромат папируса, на котором писал Афокл.

Вот и сейчас, глубоко вдохнув воздух, Гамилькар почти физически ощутил тёплое дыхание прошлого. Воспоминания потянули за собой и голос отца, и то далёкое утро, когда Афокл показывал ему свиток, исписанный формулами сплавов.

Чугун.

Так он его называл.

Самый крепкий металл, какой можно создать, если правильно соединить руду. Гамилькар развернул свиток: мелкая вязь греческих букв, цифры, расчёты... Папирус был стар, но хранился бережно, и запись почти не выцвела. Он вспомнил, как отец говорил ему тогда:

Ты ещё вернёшься к этим формулам. Когда придёт время, поймёшь, зачем они нужны.

Да, отец... - шепнул Гамилькар, чувствуя, как внутри что-то щёлкнуло, встало на место.

- Сейчас мне нужно всё, что ты знал.

Он аккуратно свернул свиток, как когда-то свернул его Афокл.

Отвезу-ка я это дяде Бостору. Мне нужен самый прочный металл в мире. Чугун!

Отец... ты был гений.

И впервые за долгие годы Гамилькар почувствовал не только боль утраты, но и светлую гордость за отца.

Владения Бостора Барки находились далеко от Карфагена, почти на самой границе финикийских земель, отвоёванных в первой Пунической войне. Эти земли на первый взгляд казались неплодородными: сухие, каменистые, словно выжженные солнцем. Но именно в их суровой толщине скрывались огромные богатства - жилы руды, железа, серебра и россыпь золотых месторождений.

Когда-то Афокл Барка, отец Гамилькара, решил передать эти земли своему родному брату Бостору и помог ему организовать рудники. Он видел в брате человека твёрдого ума и редкого трудолюбия, того, кто сможет превратить беспощадную пустошь в сердце металлургии Карфагена. Со временем рудники разрослись, превратившись в целые подземные лабиринты, где день и ночь звенели кирки и стучали кузнечные молоты. Чеканка золотых и серебряных монет принадлежала Афоклу и Эмилию. Так что династия Баркидов фактически держала в руках главный источник могущества города - денежное сердце Карфагена. Вторым по богатству и влиянию родом были Магониды - потомки первых торговцев, прибывших в Карфаген в эпоху царицы Дидоны. Именно их золото помогло когда-то возвести великий порт, ставший жемчужиной всего Средиземноморья.

Порт Карфагена был чудом, о котором рассказывали даже в землях, где никогда не видели моря.

Он состоял из двух огромных полукруглых бассейнов:

внешнего, для торговых кораблей; и внутреннего - святая святых морской мощи Карфагена.

В центре военной гавани возвышался остров Кофон - адмиралтейство, верфи, склады, арсеналы. Отсюда командующий мог наблюдать море на огромные расстояния, а подплывающим судам нельзя было понять, что происходит внутри гавани.

Входы в порты запирались тяжёлыми железными цепями, звеневшими ночью, словно предупреждение: «Карфаген на страже». Каждый док украшали ионические колонны, отчего весь порт казался огромной сияющей галереей. Купеческие корабли проходили через отдельные ворота так, чтобы ни один чужак не увидел тайной военной инфраструктуры.

Благодаря этому гению инженерии морская торговля стала невероятно оживлённой. Любой карфагенянин, купец или странник мог за несколько дней найти корабль, который унесёт его в любую точку Средиземноморья.

Море было дыханием Карфагена, а Карфаген - городом, которому покровительствуют боги.

Бостора дома не оказалось. Его роскошный замок стоял на самой окраине Карфагена, окружённый землями, которые долгие годы считались непригодными ни для пашни, ни для пастбищ. Эти пустоши тянулись вдаль от побережья, вплоть до финикийской границы. Карфагеняне вели с финикийцами долгую и жестокую войну и после первой Пунической получили огромные территории. Семья Баркидов долго не могла найти им применение, пока Афокл со своими исследователями не обнаружил в той земле богатейшие залежи руды.

Когда стали изучать глубже, выяснилось: земля буквально дышит золотыми жилами и серебром; под слоями породы скрывались и другие металлы. Тогда Афокл передал эти земли Бостору, и тот с редкой страстью организовал рудники, прииски, плавильные печи. Очень скоро золото рекой полилось в род Баркидов. Афокл, справедливый и щедрый человек, приказал половину прибыли отдавать в казну. Эмилий построил огромный монетный двор, где лучшие литейщики чеканили монеты с изображением первой царицы города - Дидоны.

Не найдя дядю в замке, Гамилькар поспешил на прииски: он знал, что найдёт Бостора там, среди грохота молотов, огня и дыма, потому что никого более увлечённого своим делом он не знал.

Рик хлестнул вожжами, и карета, запряжённая четырьмя белыми скакунами, понеслась вглубь города.

Гамилькар сидел, задумчиво глядя в окно, но почти ничего не видел. Мимо проплывали красивые дома, скрытые за цветущими деревьями и кустарниками. У каждого двора, по традиции Карфагена, возвышались статуи богов Олимпа, окружённые жасмином и розами. В городе всегда стояла вечная весна, сады благоухали так вкусно, что казалось, воздух можно пить.

Но мысли Гамилькара были далеко, он думал о том, что отец был еще и прозорлив, он знал, что его сын задумает построить чудо-корабли. Поэтому и создал уникальную формулу нового сплава для будущего тарана кораблей Гамилькара.

Бостор часто вспоминал, как они с Афоком работали над новым прочным, плотным, нерушимым металлом, который отец назвал чугуном. Они намеревались заменить им всю канализационную систему города. Старые трубы из обожжённой глины со стеклянной крошкой постоянно ломались, и ремонт их поглощал огромные средства казны.

Афокл мечтал создать сплав, который выдерживал бы и время, и давление, и воду - не ржавел бы и не крошился. Ведь культ чистоты, заложенный царицей Дидоной, был священен для карфагенян. В каждом доме Карфагена имелись мраморные изысканные, разного вида, от строгих до фантазийных ванны и раковины. Мрамора в этих землях было так много, что Дидона говорила: «В Карфагене мрамора больше, чем грязи. А грязи в Карфагене никогда не будет!» На каждой улице стояли городские бани, а в центре - огромный мраморный хамам рядом с храмом Зевса. Это было сердце города, место, где мужчины могли мыться, говорить, спорить, обсуждать решения сената или судьбу Карфагена. Там все были равны, кто бы ни заходил, он снимал одежды и становился просто обычным человеком. Женщинам же вход был запрещён, и не из пренебрежения, а из стремления сохранить место чистым от соблазна и разговоров не к месту. Дома у женщин были свои ванны, зачастую роскошнее городских. Эту традицию заложила сама Дидона, чтобы купальни были местом очищения тела и мыслей, а не распутства.

А Эмилий Барка, благодаря своей шпионской сети, знал: именно в хамамах лучше всего чувствуется настроение народа, всё, что люди думают, о чем шепчутся, чего боятся сказать вслух в других местах.

Гамилькар слушал шум колёс, вдыхал аромат жасмина и мысленно повторял:

«Дядя, надеюсь, ты завершил работу. Мне нужен этот металл. Мне нужно оружие, которого нет ни у кого в мире...»

Бостор ещё издали заметил карету племянника вплотную наклонился к уху Гамилькара:

. Прищурившись, стоял неподвижно, щурил глаза на солнце и следил, как поднимается пыль от колёс. А когда карета приблизилась, он расплылся в широкой, искренней улыбке и шагнул навстречу к Гамилькару.

— Рад тебя видеть, племянник! — оглушительно проговорил он, заключая Гамилькара в крепкие объятия. Ему приходилось перекрикивать грохот рудника: лязг цепей, стук молотов, крики рабочих смешивались с ветром в единый шумный поток. Бостор почти — Как ты вообще добрался до этой глуши?!

— Отъедем чуть дальше, — предложил Гамилькар. — Здесь слишком шумно. И... садись в карету, дядя. Я привёз тебе записи отца. Там ты найдёшь то, что тебе сейчас нужно.

Бостор, не раздумывая, устроился рядом. Карета тронулась, колёса мягко перекатились через камни, и вскоре грохот рудника стал тише.

Он действительно был похож на Афохла, чертами лица, разрезом глаз, бровями, только всё в нём было крупнее, шире, тяжелее. Обветренная кожа, тёмная от солнца и огня, делала его похожим на земного Гефеста, как будто бог огня спустился с Олимпа работать с людьми. От Бостора исходила мощная, первобытная сила.

Он обожал своё дело. Когда братья построили первые сталеварни, он словно родился заново: глаза его горели хищным огнём, руки никогда не отдыхали. Он спускался под землю вместе с рабочими, подолгу стоял по колено в грязной жиже на золотых приисках и мог сам целые сутки промывать песок, пока мышцы не сводило.

Как и Эмилий, он преклонялся перед гением Афохла. В их семье к Афохлу относились почти как к божеству, и это не было преувеличением.

Братья, бывало, подшучивали:

— Ты, наверное, слетал за идеями на Олимп. Простым смертным такие мысли в голову не приходят. Хотя... наш предок Самуил Барка был гением. Вот откуда нам, особенно тебе, достались такие мозги! Благодарим тебя, о великий! — и, смеясь, поднимали голову к небу.

Когда карета остановилась в тени скал, Бостор тяжело вздохнул и сказал:

Я слышал, ты женился, племянник. Прости, что не был на свадьбе. Ты же знаешь, я их всех тут не могу оставить... Домой почти не езжу, да и что там делать? - Он улыбнулся своей широкой, чуть виноватой улыбкой. - Всё думаю над твоим корабельным носом. Сплав, который я сделал для первого корабля, не выдержал - заржавел через два месяца. Мне нужны эти записи. Формулы твоего отца, думаю, подскажут путь. Жаль только, что его самого рядом нет... Как же его не хватает. В нём жил настоящий гений. Хорошо хоть он всё записывал, брат был педантом. Бостор вдруг опустил взгляд и смутился, увидев свои сажевые пятна на дорогой обивке кареты:

- Ох... я всю твою карету измазал...

Он так растерялся, что стал похож на огромного ребёнка.

Не переживай, дядя, - усмехнулся Гамилькар. - На это никто внимания не обратит. Мода, золото, чистота - всё это не для меня, а здесь всё отмоют. Главное, сделай мне бронзовые носы для моих судов. Держи свитки. Они помогут. Отец сказал мне когда-то: "Придёт время - они тебе понадобятся". Вот это время и пришло.

Он протянул свитки. Бостор взял их аккуратно, с благоговением, будто в них лежал дух самого Афохла.

Гамилькар отвёз дядю обратно на рудники и сразу же повернул лошадей в сторону военного гарнизона. Мысли его уже вновь были там, среди шума молотов, запаха смолы и свежего дерева.

Новая флотилия росла на глазах. Её строили на секретных объектах, скрытых в заброшенных финикийских плантациях на северной окраине Карфагена. Ещё недавно эта земля считалась бесполезной, но теперь стала центром великого замысла. Сенат Карфагена выделил Гамилькару столько золота, что хватило и на строительство кораблей, и на содержание многочисленной охраны, вокруг объектов стояла тройная стража, никто посторонний не мог подойти даже близко.

Эти суда должны были стать лицом нового Карфагена. Они были непохожи на привычные галеры, квинквиремы были легче, стремительнее, отзывчивее к каждому движению вёсел. Карфагенские мастера щедро впитали греческий опыт кораблестроения и довели его до совершенства. Киль делали из гибкого, но прочного клёна.

Шпангоуты - из дуба, тяжёлого и неподвижного, как кости великана.

Обшивку и клыкообразные части будущего тарана - из упругой сосны.

Корабли собирались «вгладь», сперва крепилась наружная обшивка, затем вставлялись шпангоуты. Доски соединяли плоскими шипами, фиксировали деревянными нагелями. Если прислушаться, можно было услышать, как мастера ритмично забивают гвозди, загибая их внутрь, будто создавая музыку будущей войны. Стыки уплотняли густой смолистой массой, похожей на шпатлёвку. А после корпус корабля покрывали свинцовыми листами, делая его словно бронированным. Таран же оковывали новым сплавом, тяжёлым и блестящим, обещающим смертельный удар любому врагу.

Эти корабли ещё не спущены на воду, но в воздухе уже чувствовалось нетерпение. Казалось, сами доски дрожат от жажды пути, а запах смолы и металла будто предвкушает грядущие сражения.

В честь рождения первенца Баркиды устроили пышное празднование. Малх, зная страсть своей семьи к великолепию, настоял на том, чтобы заткать пир на весь мир; Эмилий же взял на себя организацию и продумал всё до мельчайших деталей. Лучшие повара готовили изысканные угощения, достойные самых влиятельных гостей Карфагена.

Дворец, недавно реконструированный перед свадьбой Гамилькара, преобразился снова, в залы внесли золотые и серебряные вазы, наполненные цветами, от которых разносился тонкий аромат. Свет лился со всех сторон. Сотни хрустальных канделябров освещали пространство ровным праздничным сиянием. Эти диковинные светильники придумал сам Афокл: хрустальные чаши, подвешенные на золотых цепях, были наполнены горячим маслом, и пламя в них могло гореть целую ночь. Десятки таких канделябров висели в каждом зале. Чаши легко снимались, отмывались и снова наполнялись маслом. Единственной проблемой был чернеющий от копоти потолок, но Афокл предусмотрел даже это: утром слуги дёргали за специальные шнуры, и шелковые потолочные шторы автоматически закрывали почерневшие участки. С наступлением сумерек шторы открывались, и залы снова сияли огнями.

Очень скоро эту идею подхватили почти все богатые дома Карфагена. Теперь в городе повсюду висели хрустальные канделябры, а потолки скрывались за струящимися тканями. Богатство выражалось не столько в наличии самих механизмов, сколько в выборе тканей и цветов: привозные шёлка из Финикии, Египта, Эллады соревновались между собой роскошью.

Карфаген жил торговлей, и торговля здесь кипела, будто не знала предела. Торговые суда стояли в море целыми очередями, ожидая, когда освободится место у пристани, чтобы выгрузить свои трюмы. Золото и серебро текли по городу рекой, и купцы знали: в Карфагене покупают всё, что только можно привезти.

На центральном базаре сияли богатства всех стран Средиземноморья: пряности, ткани, украшения, тонкая резная мебель, утварь из драгоценных металлов, кожаные изделия лучших мастеров, сладости, одежда, диковинные мелочи.

Приезжие купцы с восторгом разглядывали карфагенские изобретения: хрустальные лампы, автоматические шторы, музыкальные шкатулки из мрамора, серебра и золота. Многие покупали их или обменивали на собственные товары, порой даже охотнее, чем продавали свои. Запрещено было торговать тем, что касалось военного дела. Торговля оружием, продажа макетов судов, рисунков, схем или любых материалов, намекающих на устройство карфагенских боевых кораблей, каралась строго. Работорговля тоже была под запретом. Карфаген умел сочетать роскошь и порядок, щедрость и строгую дисциплину. И в этот день весь город, казалось, дышал одной радостью - у Баркидов родился сын.

Гамилькар не любил роскошь, она казалась ему лишним блеском, который ослепляет человека и делает слабее. Он всегда одевался скромно, без украшений, ел ту же пищу, что и его солдаты. Роскошные, богато украшенные кареты и двуколки, покупал ему дядя Эмилий.

«Для поддержания статуса», - неизменно говорил он, когда Гамилькар недоволено морщился от новой покупки.

На торжество Гамилькар приехал почти в последний момент, пир уже гремел, музыка перекликалась с голосами, в воздухе витали ароматы жареного мяса, пряностей, цветов. Гамилькар весь день провёл на верфи: вместе с Бостором они обшивали нос новой квинквиремы бронзовыми листами. Чугун оказался слишком тяжёл, корабль терял скорость. Бронза же, добытая дядей взамен, легла идеально: прочная, нержавеющая, послушная руке мастера. Когда последний лист был закреплён, Гамилькар почувствовал, именно так должен выглядеть таран корабля, который будет рассекать вражеские суда, словно быстрый хищник морскую гладь.

Он едва не забыл о празднике. Вернувшись в лагерь, быстро сменил рабочую тунуку на чистую. Рик уже ждал у двуколки, умыт, выбрит, натиривший с вечера свои доспехи оливковым маслом, как учил старый Хук. Глаза его сияли так, будто праздник устраивали в его честь.

Рик, вижу, ты уже давно готов? Поехали! - бросил Гамилькар.

Двуколка сорвалась с места, и вскоре карфагенские огни, отражаясь в мраморе домов, показали им путь к дворцу.

Стоило Гамилькару переступить порог, как его окружили Магониды, ярко одетые, блестящие золотом, словно сами вышли из сундуков с сокровищами. Лучшие портные Карфагена трудились над их одеждой. Все братья Селены со своими жёнами, тётушки с мужьями и взрослыми детьми, весь дом Магонидов явился поздравлять.

Агапий, брат-близнец Селены, лёгок на ногу и всегда первый в толпе, увидев зятя, вышел ему навстречу и высоким, почти женским голосом перекрикивая музыку, воскликнул:

А вот и наш герой!

Гости разом обернулись. Слуги уже подносили серебряный кубок с вином. Навстречу Гамилькару выступил сияющий, широко раскинув руки тесть.

Мой великий зять! - прогремел Малх. - Поздравляю тебя с рождением сына! Ты сделал меня самым счастливым дедом на свете!

Но ведь у вас двадцать пять... или двадцать шесть внуков? - с улыбкой, обнимая его, ответил Гамилькар.

Внук из Баркидов - это особое благословение! - Малх поднял руки к небу. - Сын моей единственной, драгоценнейшей дочери и великого полководца Карфагена!

Кубки взлетели вверх, и вино пролилось рубиновым дождём.

За Гамилькара!

- За его сына!

- За Баркидов!

- За Магонидов!

- За Эмилия!

- За Малха!

- За Карфаген!

- За Богов!

- За Зевса!

- За Посейдона!

Такие возгласы перекатывались по залу всю ночь, словно волны, разбивающиеся о золотой берег праздника.

Гамилькар хотел незаметно ускользнуть с праздника и подняться к Селене и сыну. Но стоило ему сделать шаг к выходу, как Магониды сомкнулись вокруг него плотным кольцом. Они смотрели на него с тем восторгом, который бывает у людей, внезапно оказавшихся рядом с живой легендой. В их глазах сияла гордость: этот человек теперь их родич, а его новорождённый сын - их племянник, новая жила, навсегда соединяющая две могущественные семьи.

Баркидов в Карфагене давно полушутя, а чаще всерьёз называли полубогами. Считалось, что именно благодаря им город богатеет, растёт, процветает. О них ходили такие легенды, что иной раз и сами Магониды, люди образованные и рафинированные, ловили себя на мысли: «А вдруг правда? Вдруг Баркиды действительно по ночам летают в Олимп, и там получают свои невероятные идеи из рук богов?» О Селене тоже ходили слухи, будто она не просто красавица, а избранница судьбы, и сама Афродита благословила её союз с Гамилькаром.

Что уж говорить о самом Гамилькаре... Горожане шептались, что он может идти по воде и не тонет. Что он не спит неделями. Что не знает усталости, не нуждается в еде. Что видит будущее.

Магониды, пусть и не верили буквально, но всё равно ощущали дрожь восторга рядом с ним.

Агапий, брат-близнец Селены, и вовсе светился нетерпением. Его взгляд всё время блуждал то к сестре, то к зятю. Он был бесконечно любопытен, особенно в вопросах, о которых вслух говорить было неприлично. Женщины его не интересовали вовсе. Мужчины - другое дело. И Агапий едва удерживался, чтобы не спросить сестру на ухо о том, о чём спрашивать нельзя. Но он любил Селену искренней, трепетной братской любовью, и понимал, что этот праздник не для таких разговоров. Остальные братья, уже женатые и обросшие детьми, стояли скромнее, но с тем же восхищением. Каждый хотел бы поговорить с Гамилькаром, задать свои вопросы о флотилии, о войне, о будущем Карфагена... но никто не решался. Они просто ходили за ним стайкой, словно охранная свита, ловили каждое движение, каждую улыбку. Говорили за всех, как всегда, Агапий и Малх. Их голоса перекатывались над залом, и они так усердно расхваливали Гамилькара, что никто иной не мог к нему подступить. Даже Эмилий, старый воин, опытный политик и глава сената, не мог пробиться сквозь плотный заслон родственников. Остальным гостям оставалось только веселиться, танцевать, петь, слушать музыку. А музыка была дивной: лучшие мастера со всего света привезли инструменты, которых карфагеняне прежде не видели. Нежные арфы, огромные барабаны, тонкие флейты, всё сливалось в завораживающий поток. Казалось, сама ночь слушает их, наклонившись к открытому залу.

И вдруг Малх, оглянувшись, всплеснул руками:

Мой обожаемый зять ещё даже не прикоснулся к еде!

Ну-ка, расступитесь! Дайте дорогу военачальнику Карфагена! Пусть сядет на своё почётное место за праздничным столом!

Магониды послушно разомкнули круг, словно море перед кораблём.

Тесть в доме Баркидов вёл себя почти по-хозяйски - раздавал всем приказы, громко говорил и размахивал руками, будто весь этот вечер принадлежал только ему. И, что удивительно, никто этому не препятствовал. Праздник объединял две могущественные династии, Баркиды - любимцы народа, потомки тех, кто веками поднимал Карфаген из бедствий, были в центре общего восхищения. На их фоне, Магонидов народ часто считал лишь удачливыми торгов-

цами, выскочками. Тихо завидовали им: ведь в их руках оказался один из главных сокровищ города - морской порт.

В сенате раз за разом всплывал вопрос: с какой стати объект, построенный ещё первой царицей Дидоной, принадлежит одной семье торговцев? Многие были уверены, Магониды присвоили порт незаконно. Просто так вышло, что в тяжёлые годы, когда город оставался без правителя, когда штормы разрушали причалы, а улицы стояли пустыми, именно они удержали место у моря, когда во времена тьмы, голода и эпидемий, когда каждый день казался последним, никому не было дела до того, что морской порт- жемчужина Карфагена разрушалась. Магониды сами из последних сил, по кирпичику восстановили его. Тогда, после трагической смерти Дидоны, Карфаген почти погрузился в хаос. Люди жили в суеверном страхе, боялись гнева богов, и толпами приходили к дворцу погибшей царицы, моля о помощи. Они не знали, к кому ещё обратиться. Вся ответственность за горожан легла на плечи семьи Баркидов. Самуи Барка, женившись на сестре Дидоны - Анне, взял на себя управление городом в самый страшный его период. Он не прятался за стенами дворца. Как и все простые люди, стоял по пояс в ледяной воде, прочищая каналы, пытаясь остановить нескончаемые потоки. Анна рядом с ним превратила дворец в лазарет, лечила больных, не щадя ни себя, ни слуг.

Несмотря на то, что от эпидемии у них умерли трое детей и остался только один, они продолжали помогать городу. Их любовь к людям была сильнее страха перед смертью. Самуи обладал редким даром инженера: он восстанавливал город, строил каменные здания вместо сгнивших деревянных, собирал мужчин и вместе с ними работал на каменоломнях. Но однажды судьба оборвала его жизнь, огромная каменная глыба сорвалась с высоты и раздавила многих рабочих, среди них и Самуи. На Анну и их единственного сына легла вся тяжесть надежды города. Этот мальчик - Баалханон, стал продолжением династии Баркидов. Он тоже посвятил свою жизнь Карфагену. Но после эпидемии пришла другая беда - голод. Люди умирали прямо на улицах, море штормило так, что корабли месяцами не могли подойти к порту, а сушей подступала новая болезнь. Пресная вода стала редкостью, солнце жгло землю без пощады.

И тогда Баалханон сделал то, что многим казалось чудом: он придумал способ опреснить морскую воду. Построил огромные сооружения для фильтрации, и город впервые за долгое время смог пить чистую воду. Голод был побеждён. Но тут же небо послало новое испытание: на поля обрушились гигантские тучи саранчи. Урожаи исчезали за считанные часы. И снова Баркиды встали плечом к плечу с народом. Девять детей Баалханона, каждый одарённый по-своему, боролись вместе с ним, совершенствовали ловушки, дымовые башни, придумали новые способы защиты полей. Город не забывал этого. Народ почитал Баалханона, как отца и спасителя, почти как бога.

Так же, как когда-то его отца - Самуи Барку.

И потому неудивительно, что на празднике рождения Ганнибала народная любовь снова была на стороне Баркидов, с древних времён именно их считали сердцем Карфагена, его светом и щитом. Тёмные времена давно ушли в прошлое. Теперь Карфаген жил в богатстве и сиянии, но люди не забывали, кому обязаны своим спасением. Род Баркидов почитали так, будто сами боги когда-то ступили на эту землю, и благодарная память народа стояла рядом с ними, как живой страж.

Рядом с их дворцом возвели особый, уникальный, не похожий ни на один в Средиземноморье храм для Баркидов. Лучшие зодчие мира трудились над ним многие годы. Они высекали из мрамора статуи всех представителей рода Барка, начиная с Самуи и Анны - основателей династии, они удержали Карфаген от гибели. Рядом стояла величественная фигура Баалханона, затем десятки и десятки потомков. Всего - около ста пятидесяти статуй, каждая со своим характером, со своей историей.

Совсем недавно мастера поставили в храм и статую молодого Гамилькара. Афоклу возвели при жизни, он смущённо отмахивался, смеялся, говорил, что “живых пока не стоит мраморить”, но понимал: традиция есть традиция, а любовь и благодарность народа к Баркидам обязывает. Статуи Эмилия и Бостора тоже стояли рядом.

Жду, когда начнут ваять статую моего внука! - во весь зал заявил подвыпивший Малх, подняв кубок. - Я привезу лучших мастеров со всего света!

Он говорил громко, с тем необыкновенным наслаждением, с каким человек, любящий роскошь, предвкушает очередное прекрасное зрелище. У Малха было удивительное чутьё на всё великолепное: ткани, камни, украшения, ароматы, музыка, он всегда выбирал самое лучшее. Даже ходил особой походкой, которой будто подчёркивал: я знаю толк в красоте. Род Магонидов был богат изначально, их предки пришли в Карфаген ещё в самом начале его становления. Первые торговцы, поднявшие на ноги будущий знаменитый порт, были из их семейства. На их кораблях привозили древесину, камень, металлы, пряности, ткани, всё, что помогло молодому городу выстоять, построиться и подняться.

И хотя Магонидов часто называли просто “торгашами”, семья прекрасно знала свою ценность. И сегодня, глядя на сияющий дворец Баркидов, Малх чувствовал себя не чужаком, а родичем, равным по силе и значимости.

А теперь, у моей дочери родился сын от одного их Баркидов...

С этой мыслью он откинул голову назад и вновь громко радостно рассмеялся, поднимая кубок.

Сунайт, выйдя из зала парламента, сел в свою колесницу и велел возничему ехать в свой дворец. Ему нужно было всё обдумать.

Несколько тайных встреч он отменил без колебаний несколько тайных встреч: в такой мрачный, тревожный для него день, он не хотел никого видеть. Эта новость, союз Баркидов и Магонидов, давила ему на грудь тяжёлым камнем. Две семьи, две силы, одна - любимая народом, другая - баснословно богатая, теперь слились в единый, нерушимый блок власти и влияния. А главное, теперь у них родился наследник, отпрыск, которому когда-то передадут сенат, власть, казну, армию... всё.

“Вот ради чего, значит, и затевали этот брачный союз пройдоха Эмилий и павлин Малх”.

- Павлин... - криво усмехнулся Сунайт. - У него дома даже на дверях павлин вырезан... - и рассмеялся своим скрипучим, неприятным смехом.

Колесница мягко катилось по улицам. Мимо проплывали нарядные карфагенские дворцы, колонны, мозаики, фонтаны, - всё это богатство раздражало его до боли. Он помнил, как впервые увидел Карфаген.

Тогда, стоя в порту, ошеломлённо смотрел на ухоженных, праздных, весело переговаривающихся горожан. Одни шли в городские бани, другие - на базар, смеясь, таща огромные плетёные корзины.

В городе стояла вечная весна: густой аромат цветов, чистые улицы, теплота камней под ногами. Ночью иногда поливал город лёгкий дождь, и утром Карфаген сверкал, будто его вымыли небесные покровители. Даже ещё не ступив на сушу, у берега Карфагена, путники чувствовали этот дурманящий сладкий запах. Карфагеняне называли его Запахом Изобилия. Приезжие плакали, покидая этот город, слёзы текли сами, им казалось, что здесь люди живут не на земле, а будто в поднебесье. Красивые дома, утварь из золота, мраморные ванны, раковины... О боги! Да у некоторых туалеты были из чистого золота...

Сунайт в свой первый день едва не умер от зависти и ярости.

Он смотрел на карфагенян так, будто хотел прожечь их взглядом, и проклинал каждого. От этого бешенства у него скрутило живот так сильно, что он чуть не погиб. Добрая хозяйка гостевого дома выходила его отварами и рыбными бульонами, и он неожиданно выжил.

Детство своё Сунайт предпочитал не вспоминать.

В его памяти всплывали образы нищеты их комнаты в далёкой римской провинции, грязь и вечный голод. Мать торговала своим телом, чтобы хоть как-то прокормиться. Она зарабатывала сущие копейки из-за разных хворей. Ее нашли мертвой на улице, кто-то сильно избил ее, и она не смогла прийти домой, так и умерла в грязной канаве, куда ее выбросили. Хозяин дома продал мальчика за долги. Сунайт жил в хлеву, спал на сене, ел то же, что свиньи, чистил навоз руками. Хозяин - злобный, толстолицый человек, бил его каждый день, чем попадет ему в руки, не разбирая. Спина ребёнка стала сутулой, а глаза, в вечных синяках. И там, в грязи, медленно, как яд, в нём копилась ненависть. Однажды ночью он поднялся, взял нож и перерезал горло спящему хозяину, его жене, детям, даже прислуге.

Украл золото, драгоценности, помылся, переделся в чистое, запряг хозяйских лошадей и уехал. Он мечтал только об одном, сбежать как можно дальше. В одном из домов слышал о чудесном городе Карфагене. Вот туда я и уйду, решил он. В морском порту он отдал капитану всё украденное золото, за свое место в трюме корабля, только бы не возвращаться назад.

И путь оказался страшным. Его мучила морская болезнь, выворачивая его внутренности. Потом разразилась сильная буря и судно разбилось о скалы, но Сунайт чудом остался жив, зацепившись за обломок.

Его подобрала пираты, и это стало новым кругом ада. Его поместили в темный в трюм, не выпускали даже подышать морским воздухом, чтобы он не кинулся в воду, потому что каждую ночь был адом для Сунайта, его обессиленного и замученного, насильовали два огромных пирата, которые по очереди приходили к своей жертве.

Он хотел умереть, но что-то внутри цеплялось за жизнь.

Но пиратский корабль был атакован карфагенским военным судном.

Всех пиратов, кто остался в живых после морского боя, отправили на тяжелые работы в рудники. Всех пленных освободили и привезли в Карфаген. Таким трудным путем добрался Сунайт в город своей мечты. Измождённый, измученный, но живой, с комком жгучей ненависти к богатым и счастливым людям.

Сегодня, глядя на растущее влияние и мощь Баркидов и Магонидов, он чувствовал, как этот комок ненависти вновь шевелится и требует крови.

Добрые карфагеняне приютили молодого Сунайта. Дали ему работу грузчика в порту, но после его прежней жизни - это казалось ему почти благословением. Провели его в храм, объяснили, как молиться местным богам, показали дворец Баркидов, и именно там его впервые охватила настоящая черная злость.

Войдя в храм, построенный в честь семьи Барка, он увидел их огромные, сияющие в золотом свете статуи - олицетворение изобилия и защиты Карфагена, и в нем стало прорастать нечто страшное. Злобный голос в его голове стал управлять его мыслями, чувствами и поступками.

“Эти небожители... возомнившие себя богами...”

Почему, спрашивал он себя, одни дети должны расти в грязи и голоде, а другие - купаться в роскоши?

Почему он должен был выживать среди свиней, а эти... павлинящиеся избранники... даже храмы в свою честь возводят?”

Эта злоба сидела в нём тихо, как яд, пока однажды не прорвалась наружу. Работая в порту, Сунайт случайно познакомился с капитаном торгового судна. Тот принял его за посыльного, сунул в руку кошель и поручил доставить свитки с донесениями Афоклу Барке.

Так Сунайт впервые оказался в их доме. Он переступил порог дворца Баркидов, и ему показалось, что как будто воздух стал другим.

Величественные стены, простор, холодное мерцание мрамора, Сунайт будто попал в другой мир. Дворецкий провел его в кабинет Афокла. Он сидел за огромным дубовым столом и что-то писал, подняв глаза на мгновение, совершенно рассеянно, быстро прочитал письмо капитана и тут же написал ответ, вложил в тубу и протянул Сунайту.

Отнеси это письмо капитану, и передай ему мои наилучшие пожелания. И... да, скажи, что через неделю жду его на праздничном ужине в честь именин моей младшей дочери. Мы шесть лет сотрудничаем, а я ни разу не видел его лично. Ученый капитан - большая редкость! Буду рад с ним встретиться, - сказал Афокл, глядя куда-то в сторону, будто говорил не Сунайту. Он молча взял тубу и тихо вышел из кабинета Афокла. Ему показалось, что теперь просторный дворец Баркидов теперь давил на него. Голова гудела. Мир вокруг словно качался. Злобный голос в его голове шипел:

“Он... даже не посмотрел на меня.

Как будто я - ничто.

Как будто я грязь под его ногами! А их дом... их роскошные залы... Они считают себя небожителями!”

В его груди что-то сжалось и перехватило дыхание. Он вспомнил хлев, свиней, окровавленные ноги после побоев, тёмный трюм пиратского корабля... и от этих всплывших в памяти у него потемнело в глазах и он сделав шаг, пошатнулся. Сунайт упал прямо на каменную мостовую, чувствуя, как внутри всё клокочет от ненависти к Афоклу Барке. Мимо проходил подвыпивший, улыбающийся карфагенянин, он нёс под мышкой амфору с греческим вином, возвращаясь после веселой дегустации и напевал песню.

Эй! Что с тобой? Тоже лишнего выпил? Тебе помочь? - добродушно выкрикнул мужчина, наклоняясь к нему.

И этот беззаботный голос прохожего был последней каплей.

Сунайт почувствовал, как поднимается жгучая волна злобы, которая наполнила его силой и бесстрашием. Он вынул из кармана нож и

резко, одним движением ударил в сердце карфагенянину.

Мужчина качнулся, глаза его удивленно округлились, он упал, раскинув руки на мостовую. Сунайт быстро обшарил его карманы, срезал кожаный кошель, сорвал с него сандалии,

и не оглядываясь, метнулся в переулочек. Злость сменилась каким-то странным облегчением, появилась легкость в теле. Он даже тихо запел, нещадно фальшивя песенку, которую напевал убитый им карфагенянин. Сунайт поспешил в порт, отдавать донесение капитану.

С ножом в кармане, с чужим золотом за пазухой, он вдруг почувствовал: вот она, первая ступенька на пути его новой жизни.

Ганнибал рос сообразительным, хватал всё на лету. В нём рано проявились черты Баркидов: способность творить, придумывать, соединять то, что другим казалось несовместимым. Таланты развивались в нём уже с младенчества. Он был вынослив, сильнее сверстников, умел считать большими числами в уме. Языки тоже давались ему легко, учителя были довольны маленьким Баркой. В три года Гамилькар забрал сына в гарнизон. “Чем раньше мужчина встанет на путь воина, тем лучше он впитает военное искусство”, - говорил Селене Гамилькар.

Старый Хук принял мальчика под своё крыло, что удивительно, он сразу проникся к Ганнибалу. Иногда даже он удивлялся, откуда в маленьком человеке столько настойчивости, жажды знаний, почти взрослой сосредоточенности. Ганнибал присутствовал на военных советах рядом с отцом, внимательно вслушивался в слова инженеров, военачальников, записывал что-то в своём маленьком восковом планшете, а потом вечером, когда гарнизон пустел, втроём с Гамилькаром и Хуком снова перебирали каждую стратегию, как ювелиры перебирают драгоценные камни, ищут изъяны, тонкости.

Новое донесение было тревожным: Рим готовится захватить Сицилию. Для всех, кто понимал хоть что-то в морской стратегии, это звучало как предвестие будущей бури. Сицилия была лакомым кусочком, и никто этого не скрывал. Небольшой порт, построенный Афоком, был ключом ко всему средиземноморскому маршруту. Там корабли пополняли воду, набирали свежие фрукты. Сикулы, простые и гостеприимные жители острова, жили торговлей и... древней магией.

На Селену этот остров произвёл неизгладимое, почти мистическое впечатление. После рождения сына она умоляла мужа свозить её туда снова. В своё первое посещение, ещё во время свадебного путешествия, она увидела небольшой храм на холме. Стены из гигантских каменных глыб, будто какой-то исполин перенёс их сюда на руках. Потолка не было, и храм всегда был залит светом. Даже ночью, когда луна отражалась в прожилках кристаллов, вросших в камень. Если небо закрывали тучи, жрецы зажигали масляные лампы в нишах стен и свет отражаясь в кристаллах горел до рассвета. Особенно загадочными были ночные обряды. Молодые жрицы, облачённые в белые легкие ткани, пели гимны Духу Острова и Духу Моря, а затем медленно, завораживающе танцевали, будто двигались не они, а сама стихия.

Селена и Гамилькар пришли туда ночью. Она бросила в жертвенный огонь венки из лавра, сплетённые собственными руками, прося сил для будущих сыновей. Гамилькар высыпал в храм целый горшок золота, чтобы династия крепла, продолжалась и никогда не заканчивалась.

С тех пор Селена ездила на остров несколько раз в году, иногда без мужа, в сопровождении братьев. И каждый раз возвращалась более уверенной, другой... в ней словно разгоралась глубокая женская магия. Гамилькар это чувствовал и говорил ей:

С острова ты возвращаешься будто просветлённая, - говорил он ей. - Словно жрицы научили тебя своим тайнам. Может, ты уже умеешь исполнять их ритуальные танцы? Покажешь мужу свою магию?

Он шутил, но в глазах у него было подлинное восхищение.

О да, мой муж, - смеялась Селена. - Там я чувствую себя среди своих. Как будто я родилась не в Карфагене, а на этом холме, среди этих жриц. Как же мне хотелось бы бывать там чаще!

Хорошо, - отвечал Гамилькар, зевая перед сном и привлекая её к себе ближе, - я построю для нас дворец в Сицилии. Ты будешь жить там, а я - приезжать к тебе, когда отпустят дела.

Об этом обещании она потом ему мягко и ненавязчиво напоминала, и Гамилькар, посоветовавшись с Эмилием, решил: через полгода начать строительство дворца на острове. Селена должна быть счастлива. А их дети должны расти под покровом тех сил, к которым она так тянулась.

Читая донесение, переданное тайными агентами дяди Эмилия, Гамилькар невольно потянул носом воздух.

Тревога ударила в него почти физически, будто из глубины документа поднялся ледяной ветер.

Сицилия издревле принадлежала Карфагену, не только как стратегический ключ ко всему Средиземноморью, но и как священное место, куда карфагеняне приезжали для обрядов, очистительных ритуалов, совещаний жрецов. Там, на стыке морских ветров и древних камней, всегда было ощущение, что мир Небес ближе, чем на материке.

Говорили, что иногда, в особые ночи, Небожители действительно спускались на остров и являлись людям в огне и сиянии. На одном из таких обрядов оказалась Селена, она прибыла туда на первом скоростном судне, построенном Гамилькаром. Сопровождал её брат-близнец Агапий, который, в отличие от сестры, стал интересовался не храмами, а буйной, по-настоящему дикой природой острова.

Карфаген был аккуратным городом, где каждое дерево и каждый куст стояли строго по линейке, по продуманным чертежам архитекторов. А в Сицилия трава росла так, как ей хотелось, и от этого была во много раз более живой и обладала целебной силой.

Селене тоже хотелось научиться делать целебные настои, которые начал делать брат, и он пообещал Селене:

- Всему своё время. Когда Небеса решат - ты сама станешь отличать каждое растение, травы сами начнут с тобой разговаривать. Я не думал, что обрету такой дар Небес, слышать мир растений. Но Боги открыли во мне такой талант, чтобы я начал помогать людям исцелять их хвори.

Она поспешила в храм, где уже ждали две жрицы, одетые в лёгкие ткани цвета заходящего солнца.

Этой ночью проводился ежегодный великий ритуал в честь Деметры - богини плодородия и земледелия. С утра островитяне украшали храм фруктами, венками из лавра, цветами. Ближе к вечеру разожгли ритуальные костры, и воздух постепенно наполнялся ароматом дымящихся трав. Когда солнце скатилось к морю, жрецы начали протяжные песнопения, а молодые жрицы, лёгкие, звенящие серебряными колокольчиками, развернули свои танцы вокруг огня. Люди стояли на коленях, поднимая руки к небу, и благодарили богиню за урожай, за мягкую зиму, за жизнь. Селена тоже стояла на коленях. Она просила у Деметры здоровых и сильных сыновей, которые станут опорой Карфагену.

Постепенно песнопения стихли, все склоняли головы к земле. В этот момент дым трав стал пахнуть особенно густо, почти сладко, и в тишине вдруг вспыхнуло багровое зарево. Люди подняли головы, с неба спускалась Богиня. Она двигалась бесшумно, словно свет сам выбрал форму и стал плотью. Огромный сияющий шар мягко опустился перед людьми, и когда свечение рассеялось, Деметра предстала во всём своём божественном величии. Сикулы плакали от счастья и тянули к ней руки, дрожали от благоговения. Храм сиял так, будто стены изнутри были наполнены лунным огнём, все чувствовали себя любимыми, как дети.

Деметра посмотрела прямо на Селену. Голос богини звучал так, будто в нём говорила сама земля:

Ты избрана. Ты будешь тем, кто исцеляет сердца и души. У тебя есть большая миссия - спасти народ Карфагена, ты- как Эней поведешь их на поиски новых земель, я буду всегда помогать тебе, стоит тебе меня позвать...

А затем богиня обратилась ко всем:

Люди, вы должны помнить: пока вы храните чистоту мыслей и поступков, пока чтите волю Небес, мы будем милостивы в вам. Вы пережили наш гнев, но не утратили надежды, и мы вернули вам изобилие. Но если ваши сердца ожесточатся, если войдут в вас алчность, гордыня и вражда, мы отвернёмся опять. Вам дан второй шанс. Третьего не будет.

Когда свечение погасло, и Деметра исчезла, все пали ниц.

В мире наступила такая тишина, что даже огонь перестал трещать.

Селена почувствовала, будто весь остров живой, будто сама земля слушает её дыхание. Она поднялась, подошла к огню и бросила в него венок из лавра.

И в языках пламени увидела вновь лицо Деметры. Богиня протянула ей ладонь, на ней лежал светящийся, теплый, словно живой - драгоценный камень.

Это дар тебе, Селена, чтобы ты стала мудрой и сильной. Твой сын - великий воин будущего. Карфагену нужен защитник, им станет Ганнибал.

У Селены перехватило дыхание от этого пророчества. Песнопения, запахи трав, первые лучи восходящего солнца, всё слилось в один поток, она почти растворилась в нем. Люди вокруг подняли руки к небу:

Хвала Богам Олимпа! Да будет так! Да будет так! Да будет так!

Жрецы посыпали головы людей сухими лепестками, благословляя на изобилие и счастье.

Никто не хотел уходить. Остров дышал атмосферой любви и радости. Селена оглянулась и увидела Агапия. Он стоял, как всегда, улыбаясь своей широкой улыбкой, и держал охапку диких цветов. Из его холщовой сумки выглядывали травы, собранные ночью. Селена знала: этот день изменил её жизнь навсегда.

Ты разве не был на священном обряде, брат? - спросила Селена.

Я не люблю такие собрания, - Агапий пожал плечами. - Эти их бесконечные песнопения, под которые люди впадают в странное состояние... потом жрецы внушают им всё, что пожелают. Не понимаю твоей страсти к хороводам, жертвоприношениям и ритуальным пляскам. В этом есть что-то языческое. Разве так нужно молиться? По-моему, общение с Высшими силами вещь интимная, в храм, если уж идти, то одному, в тишине подумать о том, что просишь, услышать голос Богов. А в таком шуме... что можно понять?

Селена мягко улыбнулась:

Я слышу их там. Если Небеса хотят что-то сказать, то скажут. Они приходят к тем, кто их зовёт. Но и ты прав, Агапий: молиться нужно так, как желает собственная душа. Главное, чтобы помыслы были чисты. Тогда Боги всегда слышат.

Она взяла брата за руку, слегка сжала её.

Как же я благодарна тебе, что ты сопровождаешь меня в поездках. Муж всегда занят государственными делами, он не любит надолго покидать свои корабли и гарнизон. Да и сын растёт таким же.

Агапий кивнул:

Да, Ганнибал будет великим воином. В нём уже видно это начало. Гамилькар воспитывает настоящего патриота и преемника. Я готовлю для него особое снадобье из соцветий и трав. Ты будешь давать его каждое утро, растворяя в кувшине с водой. Пусть умывается, пьёт, пусть принимает с пищей. Это укрепит его тело и сделает его ум острым, как свежезаточенный клинок.

Он раскрыл свою огромную холщовую сумку, там лежали корзины, наполненные дикими ароматными травами.

Селена, перебирая тонкими пальцами соцветия, удивлённо прошептала:

Но как ты мог различить в ночи, что именно нужно собирать?

Они светились, - спокойно ответил Агапий. - Словно сами звали меня. Недавно во сне ко мне пришла сама Деметра и велела создать это снадобье для моего племянника. Ганнибал отмечен Богами, они будут вести его. Впереди... - он задумался, - вновь грядут тёмные времена. Наш народ зажил слишком хорошо. Богатство и изобилие сделали людей гордыми, они всё реже приходят в храмы, всё меньше чтят тех, кто их защищает.

Селена внимательно с нежностью посмотрела на брата.

Я давно замечаю, что ты изменился. Ты был таким... ветреным, Агапий, жил только удовольствиями. Женщины тебя не интересовали, да и мужчины утомляли. А теперь передо мной - мудрый, спокойный, глубокий человек. Ты стал мне не только братом по крови, но и братом по духу. Это настоящая связь близнецов - стремление к общей цели: помогать людям.

Она крепко, со слезами на глазах обняла брата.

Агапий смеясь подхватил сестру, слегка поднял и закружил, как делал в детстве.

Да, Селена, я стал другим. Слишком долго искал свой путь. Сначала море с отцом, потом странствия с братьями... всё это было пустотой. Нашей семье денег и власти хватает на десять жизней. Но мне этого не нужно. Я искренне молился, просил Богов показать мне мое предназначение. И однажды, ранним утром, когда я стоял на коленях, мне явился Аполлон. Он поднял меня к небесам и показал мир искусства и исцеления. Я увидел свою жизнь как на ладони: сколько грязи, сколько бесполезной суеты. Когда я вернулся... то знал, что родился заново.

Он глубоко вдохнул и продолжил:

Теперь я лечу не только тело, но и сердце человека. Мне словно открываются знания, что сказать, чем лечить, какие слова и травы нужны человеку. Боги приходят ко мне во сне, учат меня. Недавно Аполлон показал историю нашего города, чтобы я написал её для карфагенян, для того, народ должен знать, как легко можно потерять благосклонность Небес.

Селена засмеялась своим серебристым смехом:

Я читала твои поэмы, была на спектаклях в амфитеатрах. Это чудесно. Я знала, что тебя вдохновляют Боги, иначе невозможно. Чтобы слагать такие строки, нужно быть чистым сердцем. И ты стал таким. Я радуюсь твоему новому рождению, мой дорогой брат... и тому, что теперь ты мой соратник.

Она подмигнула:

Я верю, что снадобье, которое ты готовишь для моего сына, будет волшебным. Всё, к чему ты прикасаешься, становится золотом! Помнишь, в детстве ты мечтал стать алхимиком и

таскал меня в погреб смешивать вина, уверенный, что оно превратится то в эликсир бессмертия, то в золото, то... превратит меня в лягушку?

Агапий засмеялся:

Так мечты и сбываются, сестрёнка. Вот, смотри, ты уже стала лягушкой. Вся зелёная от утренней травы.

Он весело отряхнул её лепестками и листьями.

Он действительно удивительно изменился за последние несколько лет.

Когда Селена смотрела на брата, ей казалось, что перед ней стоит не прежний ветреный Агапий, а жрец с храма острова: худой, сухой, собранный, с аккуратной бородкой, в простом холщовом одеянии с большим капюшоном. На нём уже не было ни одной золотой застёжки, ни одного украшения, ни тени прежнего блеска Магонидов. Только огромные ярко-синие глаза выдавали в нём человека необычного. Они светились мягким, почти неземным светом, как будто в них отражалось небо.

Голос его стал тихим и ровным. Он говорил мягко, но так, что слышали даже те, кто стоял в самом конце толпы. И слухи о его врачевании разлетелись далеко, не только по Карфагену, но и по всему Средиземноморью. Больные, израненные душой и телом, стали стекаться ко дворцу Магонидов. Тогда Малх, впервые в жизни увидев своего сына таким востребованным, распорядился выделить Агапию отдельное поместье за городом, старое имение, стоящее на холмах, окружённое парком, когда-то посаженным прадедом. Теперь там раскинулся целый палаточный городок. Люди приезжали семьями, ставили шатры на берегу озера, ждали своей очереди. Магониды велели каждый день отправлять туда еду, кувшины с водой, одеяла, лекарственные травы. Агапий с помощниками работал от рассвета до глубокой ночи: принимал людей, сочинял новые рецептуры, писал стихи, учил учеников, и всё это с той же мягкой сосредоточенностью, как будто для него время текло иначе.

Когда ты всё успеваешь, брат? - спросила Селена, глядя, как он с любовью раскладывает связки трав на циновке. - Ты пишешь поэмы, создаёшь лекарства, лечишь людей, читаешь им проповеди, обучаешь своих учеников... Ты почти не бываешь дома.

Агапий улыбнулся и ответил:

Я мало сплю. Всего по два-три часа, пью отвары, которым меня научила Богиня Деметра, они дают мне силу. Подобное снадобье я сейчас создаю и для твоего сына. Ганнибалу понадобится неутомимость учёного и удача великого военачальника. Его путь не будет лёгким.

Селена вздохнула и опустилась рядом с братом на траву:

Ты знаешь... я верю, что ты сможешь помочь нам воспитать его сильным. Он и правда... необычайный. Ему десять, а он уже говорит на нескольких языках, как взрослый. Он понимает чертежи, словно родился инженером. А как он смотрит на звёзды!

Она улыбнулась, вспоминая ночи на крыше замка:

Он снова не спал до рассвета. Всё слушал рассказы своего чудаковатого учителя-астронома. А едва взошло солнце — прыг в седло и в гарнизон к отцу. В нём какой-то огонь, брат. Как будто ему мало одной жизни.

Агапий поднял на неё свой ясный взгляд:

Вот поэтому ему и нужно моё снадобье.

Чтобы он черпал силу у самой Земли, чувствовать её дыхание, слышать голоса природы и сливался с миром, как это делают избранные. Ему нужна не человеческая, а божественная энергия. И эта сила придёт через растения.

Он перебрал в ладонях пучок светящихся соцветий, тех самых, что собирал ночью:

Эти травы особенные. Их корни уходят в такие глубины, куда другие растения не могут пробраться. Они помогут ему стать тем, кем он должен стать.

Селена долго смотрела на брата. И в этот миг она ясно поняла: да, Ганнибал будет иным, он родился под знаком Богов, и теперь сама судьба ведёт его.

Ранним утром в парке дворца Баркидов на все лады запели жаворонки.

Первые лучи солнца, едва коснувшись земли, осветили город и окрасили золотом перебивающиеся крыши дворцов Карфагена. В воздухе стоял тонкий аромат жасмина и роз, смешанный с тёплым морским ветром, от этого запаха по всему городу разливалось ощущение чистоты, свежести и какой-то утренней радости.

Селена вышла на террасу. Отсюда открывался широкий, почти нереальный по красоте вид, весь Карфаген лежал перед ней, как на ладони, а дальше внизу мерцал огромный морской порт. Море сегодня было спокойным и отливало бирюзой. Военная флотилия Гамилькара уже стояла там, ровные ряды стремительных кораблей, скрытых в закрытой зоне порта, готовые в любой момент сорваться с места.

Свою фамилию Барка - Молния, Гамилькар оправдывал полностью.

Он был быстрым, резким, непредсказуемым. Сегодня кажется, что он в далёком плаваньи и вернётся нескоро, но вдруг, как ни в чём не бывало, он входил в дом, снимал плащ и уже сидел за столом, будто никуда и не уходил. Его походка была пружинистой, движения, решительными, но не суетливыми. От него исходила сила, уверенность и какая-то угрожающая собранность. Никто не знал, о чём он думает. Только Эмилий мог повлиять на племянника, задержать его, направить его мысли в нужную сторону. Эмилий всегда взвешивал каждое слово, каждое решение. Его политика, дипломатия и хитро выстроенные планы годами продвигали вперёд карьеру Гамилькара и укрепляли власть их династии. Гамилькар ценил дядю и всегда прислушивался, хотя делал вид, что действует только по своему желанию.

За последние годы он создал огромную армию - пёструю, из наёмников множества колониальных земель: финикийцев, нумидийцев, горцев юга. На содержание этой армии уходила значительная часть государственной казны.

И каждый раз перед заседанием парламента Сунайт поднимал одну и ту же тему:

Нам не нужна такая армия! Эти люди воюют за деньги, а не за честь Карфагена! На Сицилии их уже целый гарнизон, и жрецы жалуются, что они не почитают наши традиции, что воруют храмовое золото и продукты! Почему мы должны кормить их нашим золотом, если весь годовой доход уходит на их содержание?!

Его слова будто шипели в воздухе, и Селена вспомнила, как дядя Эмилий однажды тихо сказал:

Сунайт опасен не просто своими злыми речами, а тем, что его слушают те, кто завидует Баркидам.

Эмилий, как всегда, не реагировал на провокационные выкрики. Он будто не слышал вспышек раздражения, спокойно листал отчёты о расходах казны и зачитывал свежие вести с Сицилии.

Римляне уже несколько раз пытались напасть на остров. Четыре морские стычки, и все были отбиты благодаря новой флотилии Гамилькара. Рим упорствовал: они видели в Сицилии тот самый «лакомый кусок» Средиземноморья, который хотелось вырвать у Карфагена любой ценой.

Остров был не просто землёй, он был душой Карфагена. Там проходили обряды, возносили молитвы, там каждый карфагенянин хоть раз в жизни приносил жертву Богам. Храмы острова поражали своим величием: древние, словно выточенные исполинскими руками. Старые

легенды утверждали, что когда-то здесь жили гиганты, дети Богов, и именно они, служители Небес, возводили эти святилища, учили людей молиться и хранить связь с Высшими Силами.

Даже вода на острове была иной. Она светилась, будто жила собственной жизнью. Больные, испив эту воду, исцелялись от хвори... Но стоило увезти её за пределы Сицилии, вода теряла свои чудотворные свойства.

Карфагенские раненые солдаты, доставленные на остров после морских сражений, вставали на ноги за считанные дни, И когда об этом узнал Рим, они загорелись желанием отобрать остров у Карфагена. Сицилия со своими чудотворными источниками должна принадлежать им, считали они. Лазарет для легионов, вода бессмертия - остров был нужен им для их огромной, растущей непобедимой армии

Рим креп и рос, потомки Энея создавали империю с железной волей: мальчиков с малых лет учили убивать, экспансия ширилась из года в год, и теперь их взгляд упёрся в Сицилию.

Шпионы Эмилия уже давно передавали тревожные вести, наступление уже готовилось. Гамилькар понимал это и создавал флот как щит, который должен был закрыть остров от нападения римлян.

Нельзя позволить им отнять наш остров! - кричал он в сенате, поднимаясь над шумом голосов.

- Это всё равно что вырвать душу Карфагена! Без Сицилии мы не защищены! Боги даровали нам эту землю, чтобы мы исцеляли там душу и тело! Если Рим захватит Сицилию, они станут непобедимыми. А мы снова вернёмся на порог гибели! Боги отвернутся от нас, и Карфаген падёт!

Сенаторы не поддерживали беспокойство Гамилькара и считали, что опасения за остров преувеличены. Но все же, представители клана Баркидов и Магонидов поддерживали его.

Эмилий считал, что в Карфагене действует римская шпионская сеть. Они везде... даже в сенате.

И каждый раз он добавлял:

- Сафокл Сунайт давно ведёт двойную игру. И то, что он снова пытается вернуть работорговлю и ищет лазейки, чтобы ослабить нас изнутри.

Эмилий молча слушал выступления ораторов в сенате, задумчиво сводил брови, и в эти моменты его лицо становилось каменным.

Он знал: племянник не ошибается.

Зачем нанимать этих наёмников? Солдат, говорите... - голос Сунайта сорвался на визг, он ударил кулаком по мраморному подлокотнику. - Это всё то же рабство! Вы прикрываетесь красивыми словами, законами, контрактами, но по сути - это рабство!

Ты не прав, Сунайт, - спокойно произнёс Гамилькар, даже не повысив голоса. - Все, даже наши воины тоже служат по договору. Они приходят добровольно, отслужив, получают выплату и уходят. Никто их не держит.

Где это видано, набирать воинов за деньги?! - перекрикивая весь зал, вопил каждый раз на совете Сунайт. - Это рабство! Рабство, слышите?!

Он трясся от бешенства, будто в нём бился какой-то тёмный зверь.

Седые, всегда неопрятно торчащие волосы стояли дыбом, слюна летела в стороны, сидящие рядом сенаторы осторожно отодвигались от него, чтобы не попасть под брызги.

Но стоило Сунайту закончить, как его сторонники, словно по команде, загудели, поддакивания:

Он прав!

Нужно вновь вернуть работорговлю в Карфаген!

- Нам не нужна наемная армия!

Они какие-то разбойники-наёмники!

Столько золота уходит из городской казны на ее содержание!

Шум нарастал, словно прилив.

Казалось, ещё немного, и зал сорвётся в откровенный хаос.

Несколько сенаторов переглянулись: да, многие действительно мечтали вернуть рабство, которое когда-то отменил Афокл Барка. Они считали его решение слабостью и чрезмерной гуманностью. Но Гамилькар не шелохнулся, он сидел, чуть наклонив голову, и прямо спокойно смотрел на Сунайта. Тот ещё что-то кричал, размахивал руками, брызгал слюной, но в какой-то миг Гамилькар поднялся.

И зал мгновенно стих. Гамилькар взглянул на Сунайта так, будто тот был мальчишкой, нарушившим порядок на плацу, и спокойно произнёс, но каждое его слово было твердым, как камень:

Рабство... это то, к чему тянется твоя душа, Сунайт? - Шум оборвался, сенаторы замерли. Карфаген живёт не за счёт рабов, а за счёт мужества, чести и труда.

Он говорил негромко, но его голос будто усиливал сам купол сената.

Сунайт попытался что-то возразить, губы его задрожали, но он не посмел перечить Баркиду. Гамилькар шагнул вперёд:

Слушай внимательно: Карфаген никогда не будет держать людей в оковах. - Он наклонил голову, словно отмечая конец разговора:

В нашем городе нет места тем, кто мечтает о рабстве.

Тем более, в стенах сената.

И в зале наступила такая тишина, что слышно было, как потрескивают факелы в нишах.

ГЛАВА 5.НОВАЯ ЛЮБОВЬ ГАМИЛЬКАРА

Ранним утром Гамилькар стоял на палубе своей быстроходной квинквиремы и смотрел на линию горизонта. Он любил такие минуты, когда море будто замирает от предвкушения перемен. Вглядываясь в бездонную вдаль, он шумно втянул воздух и тихо, почти себе под нос сказал:

День обещает быть... странно интересным.

Рик, как всегда следовавший за ним тенью, поднял голову, стараясь уловить в лице генерала то, что чувствовал он сам.

Почему вы так решили, господин? - спросил он почти шёпотом. - Опять ваш нос почуял то, чего другие не слышат?

Да, - отозвался Гамилькар, не отрывая взгляда от горизонта. - Это тишина перед чем-то... новым, возможно перед бурей или перед каким то новым событием... Отдай команду: грести быстрее. Поднять паруса, идём на юго-восток.

Да, мой господин! - Рик даже подпрыгнул, словно ему передалась искра от того неуловимого огонька, который вспыхнул в глазах Гамилькара. Он помчался вниз, грохоча по деревянным ступеням.

На палубе он чуть не врезался в старого Хука. Тот стоял посреди палубы и, вытянув шею, тоже вдыхал воздух, будто сомневался: «А вдруг и правда пахнет переменой?» Каждый его вдох заканчивался хриплым кашлем.

Куда мчишься, безголовый? - проворчал Хук, замахиваясь так, будто собирался треснуть Рика по затылку.

Приказ генерала! - Рик даже гордо расправил плечи. - Меняем курс! Юго-восток!

Юго-восток... — Хук что-то буркнул себе под нос, потер руки. - Ох, чувствую, наш командующий задумал что-то интересное. Пожалуй, он нуждается именно во мне, а не в мальчишках...

И, переваливаясь, как старая чайка, отправился к капитанскому мостику. Через некоторое время горизонт слегка потемнел. Тонкая полоска сначала показалась облаком, но вскоре матросы один за другим начали кричать:

Пираты! Пираты!

Чёрные паруса росли над морем, будто тень, надвигающаяся на свет. Корабль Гамилькара легко скользил по морским волнам.

Приготовиться! - голос Гамилькара был по обыкновению спокоен.

Всё произошло стремительно. Бронзовый таран блеснул на солнце, и вражеское судно расколосось надвое словно щепка. Крики пиратов перемешались со всплесками воды, их корабль быстро уходил ко дну. Но Гамилькар вдруг наклонился вперёд, словно что-то зацепило его внимание.

Стоп... - тихо произнёс он, и это слово почему-то услышали все.

Среди обломков, в пене и тёмных пятнах, барахтались не только пираты.. Женщины, девочки, мальчишки... они пронзительно кричали, умоляя помочь им.

Спускать лодки! Всех вытащить!

Всех, без исключения.

Команда бросилась выполнять приказ.

Вскоре на палубе уже сидели дрожащие, бледные, измученные спасенные люди. Почти у всех женщин и детей были следы веревок на запястьях. пленных пиратов, которых успели вытащить из воды поместили в отдельном трюме, чтобы отвезти на рудники к Бостору.

Рик, проходя мимо, прошептал старому Хуку:

Господин велел разместить спасенных женщин и детей их в чистых трюмах, накормить... Как будто они наши гости.

Хук кивнул, без обычной ворчливости, ответил:

Потому что так и есть, мальчик. Сегодня они спасались от злой судьбы, потому что в Риме, они стали бы рабами, и их жизни не принадлежали бы им самим.

Гамилькар стоял у борта и, шурясь на север, снова видел один и тот же образ, чудовище, медленно вырастающее над морями. Злобный, прожорливый дракон, чёрный от дыма и крови. Он шёл оттуда, из Рима.

Вот наш настоящий враг.

Я объявляю тебе войну... - пробормотал он так тихо, словно обращался к ветру. - Вы считаете себя богами... распоряжаетесь судьбами... ломаете людей... но вы - всего лишь жадное чудовище, которому не место на нашей Земле! Вам нужны люди, чтобы сделать их вашими рабами! Рабство запрещено на земле. Каждый рождён свободным, и умрёт свободным!

Флотилия мягко срезала волны, подбираясь к берегам Сицилии. Там Гамилькар намеревался высадить освобождённых людей и передать выживших пиратов храмовой страже. Он уже собирался отдавать дальнейшие распоряжения, когда к нему подскочил взволнованный, задыхающийся Рик, так резко, что даже Хук недовольно оглянулся.

Мой генерал! В... в трюме, где женщины... случилась потасовка! Драка!

Его глаза были ещё круглее обычного, огромные, как у испуганного жеребёнка. Женщины? Драка? - Гамилькар даже усмехнулся.

- Может, ты что-то путаешь, Рик?

Нет, мой господин! Одна пыталась бежать. Причём... — он понизил голос, почти шёпотом, она ранила двоих стражников. Я сам видел... она дерётся как воин!

Эти слова зацепили Гамилькара. В Карфагене женщин не учили владению оружием.

Откуда же у пленницы такая ярость? Такая техника?

Он быстро спустился в нижние палубы. Слуги уже вели девушку, руки скручены, щека вся в крови, одежда разорвана. Но ее горделивая осанка и горящие глаза... в ней было что-то дикое, какая-то первобытная страсть, которая рвалась на свободу.

Подведите её ближе, - сказал негромко Гамилькар.

Девушка подняла голову и посмотрела ему прямо в глаза, в тот миг Гамилькар неожиданно задержал дыхание.

В её глазах горел неистовый, почти бешеный огонь, как у юного воина, который не сдаёт оружия даже на краю могилы.

Она стояла перед ним, вся исцарапанная, разъярённая, но прекрасная по-своему. Как необъезженная дикарка, у которой невозможно отнять главное - свободу и волю.

Зачем ты пыталась бежать? - быстро овладев собой спросил Гамилькар. - Ведь мы спасли тебя и твоих соплеменников.

Кто ты? С каких земель? Ливия? Финикия?

Девушка медленно расправила плечи, приоткрыла свои чувственные, но обветренные губы и вместо ответа... выплюнула на него поток ругательств. Грубых, яростных, хлестких, как удары кнута. Таких слов Гамилькар не слышал даже от бывалых нубийских наёмников. У него медленно поползли вверх брови. На мгновение даже Рик затаил дыхание. Девушка стояла

перед ними, бросая яростные взгляды на всех, дерзкая, свободная, дикая, будто сама богиня Бури решила родиться в человеческом теле. В груди Гамилькара что-то странно дрогнуло.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.